

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции**

(13 ноября 2025 года)

Ростов-на-Дону
2026

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026
ISBN 978 5 89288 605 5

УДК 343.1(08)

ББК 67.410.2

А 437

Рецензенты:

А. Ю. Афанасьев, начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии
МВД России, доктор юридических наук, доцент;

М. М. Дайшутов, начальник кафедры уголовного права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – **Попова Анна Викторовна**

А 437 Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса

[Электронное издание] : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (13 ноября 2025 г.) / под ред. Щербаченко А.К. Электрон. дан. (1,26 МБ). – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/ DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше..

ISBN 978 5 89288 605 5

Сборник подготовлен по итогам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории практики уголовного процесса». В нем представлены материалы по наиболее значимым вопросам теории и практики уголовно-процессуального права.

Предназначен для научно-педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, представителей образовательных организаций Минобрнауки России, сотрудников образовательных организаций, находящихся в ведении правоохранительных органов иностранных государств; сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

Выпускается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978 5 89288 605 5

УДК 343.1(08)

ББК 67.410.2

СОДЕРЖАНИЕ

Айдарбеков Ж.Т. Повышение эффективности профилактики семейного насилия в рамках уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики.....	5
Болдырева Э.А. Понятие предмета и пределов доказывания.....	9
Загайнова Ю.В. К вопросу об освобождении судом несовершеннолетнего от уголовной ответственности	19
Зайцева Е.А. Ценность правового института возвращения уголовного дела прокурору.....	25
Катрыч А.А. Особенности доследственной проверки по делам о незаконной банковской деятельности, как способа незаконного обналичивания денежных средств	32
Кокорев Р.А. Исходные следственные ситуации при расследовании преступлений против личности.....	37
Кокорева Л.В. Доступность и открытость правосудия в уголовном процессе	42
Маилян А.В. Повышение качества следствия и дознания в связи с быстрыми темпами развития форм и методов преступной деятельности.....	50
Мандрыка М.О. Спорные вопросы понятия и системы доказательств в уголовном судопроизводстве России	57
Мандрыка Ю.С., Миронова А.В. Проблемы и перспективы развития информационных технологий в российском уголовном судопроизводстве....	65
Махмадрахимзода Ф.М. Актуальные проблемы и направления оптимизации стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан.....	71
Мирошниченко А.Ю. Цифровизация социального обеспечения: правовые риски и возможности при переходе к «цифровому государству».....	80
Осипова И.А., Попандопуло Д.В. Проблемы и особенности правового регулирования при производстве неотложных следственных действий	89

Попова А.В. Приостановление предварительного следствия при наличии контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, заключенного подозреваемым или обвиняемым в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.....	95
Семенцова И.А., Малявина А.Б. Особенности правового регулирования возбуждения уголовных дел коррупционной направленности.....	103
Серебрянников С.В. Процессуальные особенности и проблемы привлечения несовершеннолетних в качестве подозреваемых и обвиняемых по делам о кибербуллинге.....	110
Цыкора А.В., Короленко И.И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам	119
Щербаченко А.К. Проблемные вопросы доказывания по уголовным делам о мошенничестве в сфере онлайн-банкинга.....	129
Якубина Ю.П., Сидорова Н.М. Прекращение уголовного преследования в целях обеспечения прав стороны защиты: законодательные новеллы.....	136

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ
СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ В РАМКАХ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

Айдарбеков Ж.Т.

Начальник кафедры уголовного процесса
Академии МВД Кыргызской Республики
кандидат юридических наук, доцент

Семейное насилие – это умышленные действия физического, психологического, экономического характера или их угроза, а также пренебрежительное отношение, совершенные одним членом семьи, приравненным к нему лицом, в отношении другого члена семьи, приравненного к нему лица. Закон определяет следующие формы насилия в семье:

- физическое насилие;
- экономическое насилие;
- психологическое насилие;
- пренебрежительное отношение.

Семейное насилие в Кыргызской Республике остается системной проблемой, затрагивающей фундаментальные права человека и угрожающей социальной стабильности. Несмотря на наличие нормативной базы, в том числе Уголовно-процессуального кодекса КР, эффективное предотвращение и пресечение семейного насилия требует совершенствования существующих механизмов. Вопрос повышения эффективности профилактики становится особенно актуальным в условиях роста числа зарегистрированных случаев семейного насилия.

Хотя УПК Кыргызской Республики не содержит отдельного института профилактики семейного насилия, его положения позволяют реализовывать защитные и предупредительные меры.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу КР, основанием для возбуждения уголовного дела является:

- заявление от потерпевшего;
- сообщение граждан, врачей, социальных работников, учителей и др.;
- непосредственное выявление факта насилия сотрудником правоохранительных органов;
- фиксация следов преступления (телесные повреждения, медицинские заключения и др.).

По делам о семейном насилии дело возбуждается публично, т. е. без необходимости заявления потерпевшего, если причинен вред средней тяжести, тяжкий вред или имеется систематическое насилие. Если вред незначительный (например, при однократном эпизоде) может рассматриваться как дело частного обвинения, то есть возбуждается только по заявлению потерпевшего (например, при легком вреде здоровью). При поступлении сигнала сотрудники ОВД обязаны незамедлительно выехать на место, зафиксировать ситуацию, при необходимости применить меры принуждения. При наличии признаков преступления проводится досудебное производство, в ходе которого следователь собирает доказательства (медицинские заключения, показания, видео и др.).

В рамках обязательств по принятию законодательных мер, направленных на решение проблемы семейного насилия в отношении женщин, крайне важно «обеспечить, чтобы всем формам насилия во всех сферах, которые выражаются в нарушении физического, сексуального или психологического здоровья, был придан статус потерпевший».

В правовой системе Кыргызской Республики есть Закон «Об охране и защите от семейного насилия» от 27 апреля 2017 г. № 63, который

включает определение семейно-бытового насилия и его формы, устанавливает права жертв, права субъектов, осуществляющих охрану и защиту от семейного насилия (например: суд, прокуратура, органы внутренних дел, органы социального развития, органы здравоохранения, адвокатура, Акыйкатчы (Омбудсмен) Кыргызской Республики, органы местного самоуправления и т. д.), меры защиты (например, выдача и продление временного охрannого ордера; незамедлительное помещение лица, пострадавшего от семейного насилия, жизни и здоровью которого угрожает опасность, в безопасное место либо убежище с его согласия), а также предусматривает предоставления юридической, социальной, медицинской, психологической и иных видов помощи со стороны субъектов, определенных Законом в пределах их полномочий и компетенции [1].

В целях реализации Закона Кыргызской Республики «Об охране, защите от семейного насилия» было принято решение от 15 января 2020 г. Национального совета по делам женщин и гендерному развитию при Правительстве Кыргызской Республики, утвержденного Вице-премьер – министром Кыргызской Республики «О деятельности государственных органов по вопросам предотвращения и борьбы с семейным насилием» по созданию Комитетов по предотвращению насилия в семье.

Местный комитет по охране и защите от семейного насилия – это постоянно действующий коллегиальный орган, созданный на общественных началах из представителей государственных органов (субъектов законодательства в сфере охраны и защиты от семейного насилия) членов местного сообщества и представителей гражданского общества для взаимодействия и сотрудничества по вопросам предотвращения семейного насилия, нарушения прав женщин, детей, пожилых и недееспособных граждан.

Уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики уже содержит базовые инструменты для реагирования на семейное насилие.

Однако без должного применения развития практики и межведомственного взаимодействия эти механизмы остаются малоэффективными.

Повышение эффективности профилактики возможно только при комплексном подходе с участием правоохранительных органов, судов, гражданского общества и социальной сферы. Особое значение имеет адаптация УПК КР к реалиям жизней жертв с учетом их уязвимости и потребности в быстрой защите.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru?anchor=r3> (дата обращения: 20.07.2015).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/21274/ru> (дата обращения: 20.07.2015).

3. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/24614/ru> (дата обращения: 20.07.2015).

4. Об охране и защите от семейного насилия: закон Кыргызской Республики от 27.04.2017 № 63 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111570/edition/14086/ru> (дата обращения: 20.07.2015).

5. Об основах профилактики правонарушений: закон Кыргызской Республики от 05.05.2021 № 60 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112231/edition/1278498/ru?ysclid=meibza339f140116807> (дата обращения: 19.08.2025).

6. Отчеты по несовершеннолетним лицам, пострадавшим от насилия за период с 1 января по 31 декабря 2019 г., 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 г.

[Электронный ресурс]. URL: <http://sot.kg/statistics/main/index.php> (дата обращения: 19.08.2025).

7. Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике: статистический сборник. Бишкек, 2024.

© Айдарбеков Ж.Т., 2026

УДК 343.14

ПОНЯТИЕ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ДОКАЗЫВАНИЯ

Болдырева Э.А.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Основной частью деятельности по уголовному делу является процесс доказывания. Целью этой деятельности является использование логических методов (законов использующих формальную и диалектическую логику) для определения ситуации, которую необходимо доказать, и получения знаний о прошлом, т. е. единства ума и практической деятельности в качестве субъекта доказательства.

Из-за взаимосвязи различных форм сознания общественности и различных судебных разбирательств использование опыта существующих и проверенных практикой регулирующих структур является очень разумным способом оптимизации уголовно-процессуальной системы приемлемости доказательств.

Отдельным случаем использования оперативно-розыскной информации при возбуждении уголовного дела является процесс участия следователя. Они могут присутствовать или непосредственно участвовать при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий или

непосредственно после окончания их проведения. Такого рода взаимодействие может прослеживаться в различных консультациях, обсуждении и планировании наиболее эффективного пути производства ОРМ и следственных действий.

На практике перед производством ОРМ, которые необходимы для возбуждения уголовного дела, идет процесс согласования данных оперативных действий со следователем. Это необходимо для того, чтобы перед производством данных мероприятий был выявлен предмет законности и необходимой организованности. Все эти факторы нужны для того, чтобы по результатам проведенное ОРМ были получены необходимый перечень качественной оперативно-розыскной информации.

В процессе такого взаимодействия оперативного работника со следователем могут быть достигнуты следующие цели:

- проведение ОРМ, в результате которого будет сформирована необходимая доказательственная база по уголовному делу;
- закрепление проведения ОРМ путем проведения последующих следственных действий;
- исключение факторов, направленных на нарушение закона при проведении ОРМ. Тем самым обеспечивая критерий допустимости доказательств.

Формирование доказательственной базы и процесс создания предпосылок и условий их установления в основном складываются в результате анализа результатов ОРД. Результаты ОРД могут служить основанием для проведения отдельного ОРМ. Также результаты ОРД необходимы при определении тактики проводимого ОРМ. В таких случаях чаще всего результаты одного ОРМ могут служить основанием для проведения другого.

К примеру, если сотруднику оперативного подразделения в ближайшее время необходимо осуществить оперативное внедрение, то проводится ряд

других ОРМ, которые будут предшествовать внедрению. Проведение предшествующих оперативно-розыскных мероприятий необходимо для того, чтобы выработать тактику проведения оперативного внедрения.

Когда собирается оперативная информация по делам и событиям, которые могут создать угрозу для государственной, экономической или экологической безопасности страны, данная первичная информация может быть использована как основа для проведения разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Однако следует понимать, что в случаях наличия угрозы для государственной, экологической, экономической безопасности страны, процесс сбора первичной оперативной информации будет характеризовать, прежде всего, сам процесс ОРД, а не использование его результатов.

Предмет и пределы доказывания в уголовном процессе – это фактически существующие обстоятельства, которые необходимо установить по каждому делу для подтверждения вины обвиняемого, выявления преступника или поиска новых доказательств. Этот институт подчеркивает важность целенаправленного отбора доказательств, относящихся к конкретным фактам, а не сбора всех без исключения событий, произошедших во время преступления.

Так, интерес к показаниям как к виду доказательства не случаен и важен. Этот вид доказательств наиболее востребован на практике и зачастую играет роль прямых доказательств, поэтому он очень важен.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу, потерпевшим признается лицо, которому в результате преступления причинен моральный, физический или материальный вред. Если речь идет о преступлениях против личности: убийство, разбойное нападение, изнасилование, кража, разбой, грабеж, дорожно-транспортное происшествие или хулиганство, то это один из центральных «персонажей» в центре внимания предварительного следствия и суда. Преступление совершается путем взаимодействия двух

лиц, один из которых на этапе расследования считается обвиняемым, а другой – потерпевшим.

Когда же потерпевший хочет раскрыть преступление и найти настоящего виновника, ее интересы полностью совпадают с миссией правоохранительных органов по раскрытию истины. К этой категории лиц относятся, прежде всего, лица, ставшие потерпевшими при исполнении служебных обязанностей или в связи с исполнением служебных обязанностей: их поведение в процессе расследования.

При проверке и оценке показаний потерпевшего необходимо учитывать особенности показаний потерпевшего. Допрос потерпевшего необходим, т. к. предоставление показаний – это его законное право в рамках уголовного процесса.

Разъясняются права потерпевшего также в ходе допроса не только сообщить то, что он знает, но и изложить свою версию, объяснить отдельные элементы дела и представить соответствующие аргументы. Потерпевший должен быть допрошен, в том числе для выяснения имеющейся у него информации:

- об обстоятельствах самого преступления и его существенных признаках (время, место и т. п.);
- о лицах, причастных к преступлению, а также о роли каждого из них;
- о характере и размере ущерба, причиненного правонарушением;
- о его отношениях с обвиняемыми.

Некоторые аспекты уголовного процесса определяют статус, права и обязанности потерпевших в процессе расследования и судебного надзора. Закон требует, чтобы потерпевший был проинформирован о своих правах и обязанностях до начала допроса. Показания потерпевшего являются важным процессуальным документом и должны оцениваться, исходя из их доказательной силы, с учетом особенностей личности потерпевшего.

Очень важным фактором в расследовании уголовного дела являются правовые знания потерпевшего. Надежность и точность их показаний часто зависят от нетерпимости жертвы к преступлению и степени, в которой они желают способствовать правосудию.

Можно отметить, что в ходе уголовных процессов для получения показаний от потерпевших используются недобросовестные методы. Показания являются предвзятыми (или их трудно оценить объективно), а также распространены другие явления.

Однако существуют давние нерешенные проблемы, так и более свежие проблемы, связанные с законодательными реформами, которые не всегда были успешными. Иногда старые проблемы становятся более актуальными по вине законодателей. Как это происходит, когда лицо включено в список участников уголовного процесса и его уголовное дело разделено на отдельные дела или возможность легитимизации использования в качестве доказательства толкований, полученных в ходе допросов такими должностными лицами, как следователи, дознаватели и защитники.

Показания потерпевшего играют важную роль при расследовании уголовных дел и зависят от многих объективных и субъективных обстоятельств. Во-первых, показания потерпевшего представляют собой доказательства от первого лица. Потерпевшие участвуют в расследовании уголовных дел путем дачи показаний и реализации своего права на участие в уголовном судопроизводстве.

Существует огромная разница между тем, что сообщается, и тем, как сообщается. Неслучайно на практике существует сильное недоверие к показаниям с чужих слов, но здесь мы фактически имеем форму письменного изложения чужого устного сообщения. Показания – это речь, поток устной информации; это не столько результат, сколько процесс: процесс передачи информации посредством осмысленных утверждений.

Протокол допроса также является доказательством, хотя и представляет собой вторичный текст, т. е. иную реальность. Это происходит потому, что показания, изначально формирующиеся в сознании допрашиваемого, затем фиксируются на бумаге другим лицом – следователем или дознавателем. Таким образом, протокол допроса – это результат психологического взаимодействия двух людей. (Здесь мы не рассматриваем протокол очной ставки, поскольку это особый вид, по сути, одновременного допроса двух лиц). Важно понимать, что протокол отражает не криминальную ситуацию в прямом восприятии, например, потерпевшего, а то, как следователь воспринял и записал предоставленную потерпевшим информацию.

Допрос – это процесс трансформации информации, где устные показания преобразуются в образы сознания следователя, а затем фиксируются на бумаге. При этом неизбежны искажения и потери.

Следователи, фиксирующие показания в протоколах допросов, существенно отличаются от свидетелей, пересказывающих услышанное. Во-первых, следователя нельзя допросить в суде относительно получения информации. Во-вторых, они не могут рассматриваться как полностью объективный источник слуховых сведений, поскольку, несмотря на требования об объективном расследовании, они, по сути, представляют сторону обвинения, в то время как суд должен быть беспристрастным и независимым.

Таким образом, показания и протокол (допрос, очная ставка) представляют собой два разных вида доказательств, каждый из которых имеет свое содержание и форму. В этом смысле показания можно рассматривать как имеющие определенную идентичность по содержанию и форме, причем формой является человеческая речь – код вербального сообщения.

Показания потерпевших очень важны в уголовном процессе. С моей точки зрения, это значение многомерно:

- будучи независимыми доказательствами, они представляют собой эффективное средство защиты прав и интересов потерпевших; они могут в дальнейшем влиять на выводы следственных органов и суда;

- показания потерпевших позволяют выявить обстоятельства и факты, имеющие значение для правильного разрешения уголовных дел, позволяют возбуждать дела, получать важную доказательную информацию для установления личности виновных;

- показания потерпевшего не только являются средством установления новых фактов, но и могут служить средством оценки других доказательств.

Статья 42 УПК РФ гласит, что потерпевший имеет право давать показания. Часть 5 этой статьи гласит, что потерпевший не имеет права заведомо давать ложные показания или отказываться от дачи показаний. Таким образом, потерпевший имеет право и обязан давать показания в суде. Однако если потерпевшим является физическое лицо, то реализация этого субъективного права и этой юридической обязанности не создает особых проблем для должностных лиц правоохранительных органов. Юридические лица также могут считаться потерпевшими в соответствии со ст. 42 УПК РФ. Кроме того, ч. 9 данной статьи предусматривает, что в случае признания юридического лица потерпевшим его права осуществляет представитель.

Поэтому возникает вопрос: в какой форме запись устных сообщений представителей будет соответствовать требованиям УПК РФ и будет допустима? В правоприменительной практике существуют различные варианты решения данной проблемы.

Первый способ заключается в допросе в качестве свидетелей представителей потерпевшего юридического лица.

Однако уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает, что такие доказательства могут быть использованы в качестве показаний в пользу потерпевшего. Поэтому УПК РФ не содержит правил,

устанавливающих определение понятия показаний конкретного лица и порядка допроса.

Скорее всего, законодатель исходил из того, что доказательствами являются сведения, связанные с произошедшими событиями и непосредственно воспринятые лицом, имеющие значение для дела. На самом деле такой подход к показаниям потерпевших кажется вполне разумным. Однако в действующих правилах проведения важных следственных действий, таких как допрос потерпевшего юридического лица или его представителей, все еще имеются некоторые несовершенства.

Поэтому с юридической точки зрения каждый вариант, предложенный сотрудниками правоохранительных органов для получения показаний представителя юридического лица, является неверным.

Основными особенностями показаний потерпевшего являются: определенная форма: письменная или устная; информация в виде сведений, касающихся важных обстоятельств уголовного дела; особый порядок их получения – допрос; интегрированный источник – протокол допроса или протокол судебного разбирательства.

Итак, показания потерпевшего представляют собой самостоятельную форму доказательства.

Информация, составляющая основную часть показаний потерпевшего, является важным средством установления фактов, благодаря которому может быть проверена истинность уголовного дела. Виновный может быть уличен и привлечен к ответственности. В научной литературе существуют разные мнения относительно формы дачи показаний потерпевшим.

Так, некоторые исследователи полагают, что показания потерпевшего представляют собой устное сообщение о важных обстоятельствах уголовного дела, составленное и зафиксированное в процессе допроса в соответствии с требованиями законодательства. Другие отмечают, что показания потерпевших могут быть устными или письменными.

С нашей точки зрения, показания потерпевшего во всех случаях фиксируются в письменной форме и возможны следующие варианты: показания потерпевшего были даны устно на допросе, но письменно зафиксированы в протоколе следственного действия; показания были даны собственноручно во время допроса.

Подводя итог, я считаю, что показания потерпевшего являются одновременно: источниками доказательств и информации, важные для всего судебного процесса по делу; средства, с помощью которых потерпевшие защищают свои интересы; способов исследования других доказательств по уголовным делам.

Таким образом, показания потерпевшего представляют собой важное доказательство. Информация, составляющая основную часть показаний потерпевшего, является важным средством установления фактов, благодаря которому может быть проверена истинность уголовного дела, виновный может быть уличен и привлечен к ответственности.

Чтобы определиться со значимостью и местом версии в процессе расследования преступления, необходимо понимать, о чем идет речь. Версия – это обоснованное предположение компетентного лица относительно обстоятельств, имеющих значение для расследования, служащая для целей установления объективной истины.

На первоначальном этапе расследования следователь обладает минимумом информации и данных по обстоятельствам совершенного преступления и предположения, которые он, основываясь на имеющихся сведениях, выдвигает, и являются тем механизмом, который и запускает процесс расследования.

Таким образом, версия играет ключевую роль в расследовании. Чтобы эта роль оставалась определяющей, версия должна соответствовать трем основным критериям:

Во-первых, версия должна основываться на реально имеющихся данных.

Во-вторых, версия должна быть реальной, т. е. событие может объясняться научным путем.

В-третьих, она должна быть объективной.

Полагаю, что поддержание объективности – ключевая и наиболее сложная задача расследования. Без ее соблюдения любая версия утрачивает свою ценность и непригодна для дальнейшей работы. В процессе формирования и проверки версий следователь опирается на логические методы, фактические данные, свой профессиональный опыт, интуицию и правомерную информацию из различных источников.

Итак, доказательства в уголовном судопроизводстве – это любого вида и формата сведения, которые позволяют должностным лицам, участвующим в судопроизводстве, сделать вывод об отсутствии или наличии обстоятельств конкретно рассматриваемого уголовного дела. Способность указывать на наличие или отсутствие того или иного обстоятельства в уголовном процессе названа относимостью, которой обладает каждое доказательство. Допустимость – важнейшее свойство, без которого доказательство не может быть использовано в процессе привлечения лица к юридической ответственности.

Таким образом, должностные лица должны правильно определять как сам предмет доказывания, так и пределы его установления.

Литература

1. Балакшин В.С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам // Российский юридический журнал. 2021. № 4.

2. Гаужаева В.А. Сроки производства судебных экспертиз: дискуссионные вопросы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 2.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). 4 декабря. Ст. 4921.

4. Карякин Е.А. Специалист в помощь защите: зачем и как его привлекать // Уголовный процесс. 2018. № 12 (168).

5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23.

© Болдырева Э.А., 2026

УДК 343.123.4

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СУДОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Загайнова Ю.В.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Основанием для освобождения от уголовной ответственности, как и при освобождении от самого обвинения, служит низкая общественная опасность совершенного деяния и личности преступника, что позволяет достигнуть целей наказания без применения уголовно-правовых мер.

Помимо общих категорий освобождения от ответственности и наказания, существуют специализированные нормы, применяемые исключительно к лицам до восемнадцати лет:

1) условное освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных воспитательных мер (ст. 90 УК РФ);

2) освобождение от наказания с наложением принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных ч. 2 ст. 90 и ст. 92 УК РФ (ч. 1 ст. 92 УК РФ);

3) освобождение от наказания с помещением несовершеннолетнего в специализированное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Основанием для освобождения от уголовной ответственности, как и при освобождении от самого обвинения, служит низкая общественная опасность совершенного деяния и личности преступника, что позволяет достигнуть целей наказания без применения уголовно-правовых мер.

Как отмечалось ранее, освобождение от уголовной ответственности по ст. 75–77 УК РФ является безусловным: дальнейшее поведение освобождаемого не влияет на решение об освобождении.

Освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных воспитательных мер имеет условный характер: окончательное решение о снятии уголовного преследования напрямую зависит от поведения подростка в период действия данных мер. Иными словами, эффективность такого подхода зависит от процесса ресоциализации и устремления к законопослушному поведению. Такой подход подчеркивает превалирующую воспитательную функцию уголовного права в отношении несовершеннолетних и направлен на предотвращение повторной правонарушительной активности.

При рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего судом обязательно участие прокурора. Важным аспектом его деятельности является его роль в процессе уголовного преследования и отказа от нее [2, с. 29].

Освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с последующим применением принудительных воспитательных мер возможно лишь при условии соблюдения оснований и требований,

установленных ст. 90 УК РФ. Часть 1 ст. 90 УК РФ, озаглавленная «Применение принудительных мер воспитательного характера», закрепляет принцип: «Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если признано, что его исправление достижимо посредством применения принудительных воспитательных мер». Это положение закрепляет приоритет воспитательных инструментов в отношении несовершеннолетних, совершивших нетяжкие преступления, при условии уверенности в их способности к исправлению без применения уголовного наказания.

Помимо этого, судом решается вопрос о возмещении потерпевшим вреда, причиненного преступлением, что является важной гарантией защиты конституционных прав и законных интересов граждан [1, с. 5].

Часть 1 статьи 92 УК РФ устанавливает норму об освобождении несовершеннолетнего от наказания судом с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ. Освобождение несовершеннолетнего от наказания в соответствии со ст. 92 – безусловное освобождение. Его отмена возможна только в порядке уголовного судопроизводства на основании незаконных и необоснованных актов. Формальным основанием применения этой меры является совершение несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести и его осуждение за это преступление.

Законодательство не устанавливает явное материальное основание для применения данного вида освобождения от наказания. Ключевым фактором выступает потенциал несовершеннолетнего к исправлению без наложения уголовного наказания. Иначе говоря, освобождение от наказания становится предпочтительным вариантом тогда, когда суд приходит к выводу о возможности ресоциализации несовершеннолетнего посредством

альтернативных мер, не связанных с отбыванием уголовной ответственности.

Следует отметить, что освобождение от наказания предпочтительно рассматривать как более выгодную опцию по сравнению с освобождением от уголовной ответственности, когда суд считает, что вынесение обвинительного приговора необходимо для достижения целей исправления несовершеннолетнего. Это может зависеть от ряда факторов: тяжести совершенного преступления, индивидуальных характеристик несовершеннолетнего, а также потребности сформировать у него чувство ответственности за свои поступки.

Рекомендуемая целесообразность применения данной меры возрастает в случаях, когда несовершеннолетний или его законный представитель возражают против освобождения от уголовной ответственности по ст. 91 УК РФ, ставя под сомнение факт совершения преступления. В подобных ситуациях вынесение обвинительного приговора может быть необходимым условием признания вины несовершеннолетнего и осознания преступности содеянного, что служит важной предпосылкой для его исправления и снижения риска повторного правонарушения в будущем.

Одновременно последствием освобождения несовершеннолетнего от наказания по ч. 1 ст. 92 УК РФ является применение к нему принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ.

Ответственность несовершеннолетнего, освобожденного от наказания судом с применением принудительных мер воспитательного воздействия, реализуется через акт осуждения и освобождения от наказания. В случае повторного совершения преступления он не подлежит наказанию за деяние, за которое ранее был освобожден с применением принуждений.

Преступление, за которое осуществлялось освобождение по ст. 92 УК РФ, не влечет судимости и не учитывается при назначении нового наказания или квалификации в случае повторного правонарушения. Однако

факт совершения преступления после освобождения рассматривается как обстоятельство, характеризующее личность преступника и учитывается как при назначении наказания, так и при принятии решения о возможности и виде освобождения от уголовной ответственности или наказания.

Часть 2 ст. 92 УК РФ устанавливает право освободить несовершеннолетнего от наказания с помещением его в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение. Эта мера представляет собой освобождение без назначения обычного наказания и сопряжена с принудительными воспитательными мерами. Она имеет такие же юридические последствия, как и освобождение по ч. 1 ст. 92 УК РФ. Ее характерные черты заключаются в строгих ограничениях свободы и в специфических основаниях применения.

Материальной необходимостью применения данной меры служит убеждение в том, что достижение целей наказания возможно лишь через помещение несовершеннолетнего в учреждение, ориентированное на ресоциализацию и исправление. Иными словами, данная мера оправдана тогда, когда другие, менее жесткие меры воздействия не обеспечивают исправления и не исключают повторных преступлений.

Статья 92 УК РФ также устанавливает максимальный срок содержания в подобных учреждениях, совпадающий с максимальным сроком наказания за совершенное несовершеннолетним преступление. Пребывание может быть прекращено до истечения срока по заключению государственного органа, ответственного за исправление, если больше не требуется такая мера. Продление пребывания после исчерпания максимального срока допускается только для завершения общеобразовательной или профессиональной подготовки.

Таким образом, несмотря на стремление к гуманизации уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних, остаются значимые проблемные вопросы. По судебной практике можно отметить, что

в большинстве случаев к несовершеннолетним применяются лишение свободы или его альтернативы – условное осуждение. Это свидетельствует о том, что суды учитывают особенности несовершеннолетних, но часть норм УК носит декларативный характер и требует конкретизации.

Освобождение от уголовной ответственности, предусмотренное ст. 75–77 УК РФ, является безусловным: дальнейшее поведение освобожденного не влияет на решение об освобождении.

Освобождение несовершеннолетнего от наказания в соответствии со статьей 92 – безусловное освобождение. Его отмена возможна только в порядке уголовного судопроизводства на основании незаконных и необоснованных актов. Формальным основанием применения этой меры является совершение несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести и его осуждение за это преступление.

Законодательство не устанавливает явное материальное основание для применения данного вида освобождения от наказания. Ключевым фактором выступает потенциал несовершеннолетнего к исправлению без наложения уголовного наказания. Иначе говоря, освобождение от наказания становится предпочтительным вариантом тогда, когда суд приходит к выводу о возможности ресоциализации несовершеннолетнего посредством альтернативных мер, не связанных с отбыванием уголовной ответственности.

Кроме этого, следует отметить, что освобождение от наказания предпочтительно рассматривать как более выгодную опцию по сравнению с освобождением от уголовной ответственности, когда суд считает, что вынесение обвинительного приговора необходимо для достижения целей исправления несовершеннолетнего. Это может зависеть от ряда факторов: тяжести совершенного преступления, индивидуальных характеристик несовершеннолетнего, а также потребности сформировать у него чувство ответственности за свои поступки.

Литература

1. Анучина О.В., Костин С.Г., Курилов С.И. Обеспечение руководителями органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России возмещения вреда, причиненного преступлениями. М., 2025.

2. Загайнова Ю.В., Диденко Н.С., Попова А.В. Участие прокурора в уголовном судопроизводстве. Ростов н/Д, 2025.

© Загайнова Ю.В., 2026

УДК 343.157

ЦЕННОСТЬ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

Зайцева Е.А.

Профессор кафедры уголовного процесса УНК
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор

Эффективное правовое регулирование в рамках уголовно-процессуальной отрасли права достигается различными средствами: сбалансированной системой методов правового регулирования, выстраиванием норм и их комплексов с ориентацией на решение конкретных задач уголовного судопроизводства (специализация предписаний по предмету правового регулирования), гибкостью и оперативностью модернизации норм и их ассоциаций под нужды правоприменительной практики на определенном отрезке времени – для адекватности регламентации обновившихся общественных отношений. При этом стабильное нахождение в структуре права однородных нормативных

общностей, сохраняющихся на протяжении десятилетий или даже веков, с несомненностью указывает на их ценность для той или иной отрасли. Указанное утверждение справедливо для института возвращения уголовного дела прокурору (название которого в современной интерпретации звучит именно таким образом) являющегося преемником «старого» правового института «возвращения уголовного дела из суда» доставшегося в наследство нашему УПК РФ со времен дореволюционных.

Нормативные образования должны идентифицироваться не по их формальному названию в теории уголовно-процессуального права, а по их месту в отраслевой специализации, по их «заточенности» на законченное регулирование группы сходных правоотношений. Этот тезис позволяет в ходе ретроспективного анализа определить преемственность нормативной регламентации в вопросах возвращения уголовного дела прокурору.

Обращение к тексту первого систематизированного собрания российского законодательства Свода законов Российской империи, в котором нами особо выделяется Свод законов о судопроизводстве по преступлениям, показывает, что на прокуроров и стряпчих в ст. 166 и ст. 167 возлагалась обязанность при обнаружении неполноты следствия, обнаружившейся в суде, требовать «дополнения следствия по производству дела и до сочинения приговора предлагать о том, чего, по мнению их, в производстве не достаёт» [1, с. 32–33]. Отсутствие в тексте норм с детализацией процедуры устранения данной неполноты не препятствует построению вывода о том, что именно в судебном производстве властные субъекты уголовного преследования выступали активными инициаторами дополнения предварительного следствия.

Дальнейший анализ положений Свода законов о судопроизводстве по преступлениям демонстрирует уже активность Земского суда в устранении выявленной неполноты следствия. Так, ст. 284 предписывала Земскому суду (суду первой степени, а в современной интерпретации – суду первой инстанции) при обнаружении недостатков и упущений в следственном

производстве, допущенных становым приставом, предпринимать меры согласно ст. 2714 и ст. 2715 Общего губернского учреждения [2]. В свою очередь, предписания ст. 2714 Общего губернского учреждения возлагали на Земский суд обязанность «приводить дело в порядок посредством *доследования* через того же или другого станового пристава или же, смотря по важности дела, через самого земского исправника или, наконец, и через Особое Временное Отделение» [2, с. 551]. Порядок восполнения пробелов следствия, предусмотренный ст. 293 Свода законов о судопроизводстве по преступлениям, возлагал дополнение материалов уголовного дела результатами новых «изысканий» на органы полиции, в то время как дело находилось в распоряжении суда. Сам же земский суд поисковые действия не предпринимал, а ограничивался дополнением материалов дела *«окончательно справками и сведениями, которые могут быть нужны»* (ст. 285) [1, с. 52].

Дополнительное расследование из вышестоящих судебных инстанций было установлено, что ст. 378 регламентировала обращение уголовного дела к «переследованию» – но только в исключительных случаях с возвращением уголовного дела из Палаты уголовного суда. Обычно Палата уполномочена была «не отсылая дела, предписать судебному месту, где делопроизводством началось, учинить что следует...» (ст. 379), сама могла дополнить материалы путем допросов [1, с. 70].

Приведенные нормы демонстрируют интересную закономерность: для обеспечения соблюдения быстроты процесса уголовное дело оставалось в распоряжении суда, обнаружившего неполноту проведенного следствия, а суд предпринимал действия к стимулированию предыдущих субъектов производства (досудебного или судебного низшей инстанции) к восполнению выявленных пробелов. И только в редких случаях уголовное дело «классически» возвращалось из суда на дополнительное расследование.

Анализ нормативных установлений Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), посвященных проблематике «доследования» показывает,

что у прокурора на этапе, именуемом «предание обвиняемого суду», при обнаружении неполноты произведенного следствия в зависимости от «масштабов бедствия» была возможность ликвидировать неполноту путем истребования дополнительных материалов либо возвратить уголовного дела на дополнительное расследование (ст. 512 УУС) [3]. Конечно, указанный этап не входит собственно в судебное производство, не является «возвращением уголовного дела из суда», но он демонстрирует разработанную систему норм, содержащую в совокупности со сходными полномочиями суда гарантию недопущения в судебное производство уголовных дел, очевидно содержащих дефекты, препятствующие разрешению уголовного дела по существу.

Изучение же самих полномочий суда по возвращению уголовного дела в досудебное производство показывает, что УУС «урезал» такие полномочия у судебных инстанций, закрепив возможность возвращения уголовного дела исключительно окружным судам, выступающим в качестве первой инстанции, и только по двум основаниям: ввиду неполноты следствия или существенного нарушения закона (ст. 534, 752–753).

Ретроспективное исследование положений Свода законов о судопроизводстве по преступлениям и УУС позволяет прийти к выводу, что возвращение уголовного дела из суда в дореволюционный период предусматривало дополнительное расследование с целью ликвидации выявленной судом неполноты и устранения обнаруженных существенных нарушений процедуры. Институт возвращения уголовного дела из суда в Своде законов о судопроизводстве по преступлениям носил «сквозной» межстадийный характер, выступая универсальным механизмом исправления ошибок производства. Можно констатировать, что указанные особенности (с определенными изменениями) нашли отражение в обновленном раннем советском законодательстве, а потом были положены в основу нормативной модели возвращения уголовного дела на дополнительное расследование из суда в УПК РСФСР 1960 г., который в ст. 232 содержал 5 оснований возвращения уголовного дела на дополнительное расследование (три из них – напрямую

увязывали возврат уголовного дела в досудебное производство с необходимостью восполнения пробелов в доказывании (п. п. 1, 3,4)) [4; 5; 6].

Однако в результате демократических преобразований уголовного судопроизводства, в том числе инициированных «тихой революцией» Конституционного Суда РФ, сама идея возможности возвращения по инициативе суда уголовного дела на дополнительное расследование была признана «крамольной» не соответствующей статусу суда в состязательном судопроизводстве, а нормы, ее закрепляющие, КС РФ посчитал неконституционными [7, с. 9]. В результате в первой редакции УПК РФ термин «возвращение уголовного дела на дополнительное расследование» из суда даже не упоминался, а появившееся новое явление – возвращение уголовного дела – прокурору предстало как совершенно иной правовой институт, отнюдь не как преемник старого института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование из суда [8]. Мало того, что время на устранение ошибок досудебного производства лимитировалось 5 сутками, к тому же в 2003 г. ч. 4 и 5 ст. 237 УПК РФ был установлен запрет на производство следственных действий по такому возвращенному уголовному делу [9]. Благодаря чему уже в декабре того же 2003 г. КС РФ признал эти нормоустановления противоречащими ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46 и ст. 52 Конституции РФ [10].

Тем не менее, даже с учетом корректировки Конституционным Судом РФ, по возвращенному прокурору уголовному делу не могло проводиться дополнительное расследование в том самом смысле, который мы рассматривали ранее применительно к дореволюционному судопроизводству и нормативной модели УПК РСФСР 1960 г. Возрождение дополнительного расследования из суда мы связываем с Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013: благодаря сокращенной форме дознания, для которой предусмотрели один из вариантов окончания рассмотрения уголовного дела в суде – принятие решения о возвращении уголовного дела прокурору для проведения дознания в общем порядке (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ) [11]. Исходя из

свойств указанного упрощенного производства, предусматривающих редуцирование доказывания в ходе сокращенного дознания, что вело к ограниченному сбору доказательственного материала с упором на этап следственной проверки, данное решение означает только одно – возвращение уголовного дела из суда на дополнительное расследование, т. к. общий порядок дознания предусматривает сбор более обширного материала по уголовному делу.

Таким образом, приведенный исторический анализ «метаморфоз» правового института возвращения уголовного дела из суда свидетельствует о том, что ценность данного правового института, проверенная веками, видится отечественному законодателю, в том числе и в использовании его как действенного механизма устранения неполноты проведенного досудебного производства, препятствующей рассмотрению уголовного дела в суде по существу. В ином формате определить итог развития к современному периоду данной нормативной общности не представляется возможным.

Литература

1. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XV. Кн. II.
2. Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Том второй. Часть I. СПб., 1857.
3. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: Постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
5. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Известия ВЦИК. № 37. 1923.

6. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: закон РСФСР от 27.10.1960 (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

7. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. юстиция. 2000. № 10.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

9. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ (ред. от 05.06.2007) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706; Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

10. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

© Зайцева Е.А., 2026

ОСОБЕННОСТИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАК СПОСОБА НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Катрыч А.А.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» экономическая безопасность выделена как ключевой аспект. Основные цели ее обеспечения включают усиление экономического суверенитета государства, рост конкурентоспособности и устойчивости российской экономики к внешним и внутренним вызовам, а также формирование предпосылок для экономического развития России с темпами, превосходящими глобальные показатели [1].

Под незаконной банковской деятельностью, согласно ст. 172 УК РФ, понимают осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистраций или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательна. Для квалификации деяния по ч. 1 ст. 172 УК РФ необходимо, что бы деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере, что составляет 3 500 000 рублей. Незаконная банковская деятельность может использоваться как один из способов обналичивания: например, через фиктивные фирмы, которые проводят операции по переводу средств на карты или счета, а затем снимают наличные с комиссией (5–15%). Обналичивание денежных средств – это вывод наличных денег из безналичных расчетов, часто с целью уклонения от налогов, отмывания доходов или финансирования теневой экономики.

Это не просто мелкие нарушения, а системная проблема, которая подрывает стабильность экономики. При этом влечет такие последствия для экономики, как финансовые потери государства и бюджета позволяют выводить деньги из легального оборота, избегая НДС, НДФЛ или налога на прибыль, отмывание денег, дестабилизация банковской системы, макроэкономические искажения и т. д. По данным Банка России, объем подозрительных операций с признаками вывода денежных средств за рубеж за 2024 г. составил 25,6 млрд рублей [2]. Борьба с этим помогает стабилизировать экономику, но требует баланса, чтобы не душить легальный бизнес.

Выявления преступлений данной категории связано с использованием особых методов, основной целью которых является установить наличие признаков преступления, собрать начальные доказательства с помощью ограниченного процессуального «арсенала». Анализируя практическую деятельность органов предварительного следствия, прослеживается законодательный пробел и отсутствие механизма взаимодействия налоговых органов и банков при выявлении незаконного обналичивания денежных средств. При подозрительных операциях банки блокируют счета, но при этом правоохранительные органы не информируют. Банк России разработал платформу «Знай своего клиента» (Платформа ЗСК) – инструмент, который предоставляет доступ кредитным организациям к данным Банка России, к информации об уровне риска вовлеченности в проведение подозрительных операций их клиентов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Банки вправе применять информацию с этой платформы для выполнения мер по борьбе с легализацией преступных доходов [3]. Банк России квалифицирует банковских клиентов на три категории риска в зависимости от вовлеченности клиентов в сомнительные операции низкого, среднего и высокого уровня риска («зеленую», «желтую» и «красную»). Данные платформы ЗСК служат вспомогательным инструментом для банков, оставляя право за кредитными организациями

самостоятельно определять благонадежность своих клиентов и проводимых ими операций по счетам в контексте противолегазированного законодательства. Они должны присваивать самостоятельно. Ограничения на распоряжение средствами на банковских счетах или другим имуществом клиента вводятся лишь в том случае, если он признан высокорискованным как регулятором, так и банком. Кредитная организация обязана в течение 5 рабочих дней проинформировать клиента о применении мер и о том, что Банк России относит его к группе высокого уровня риска со ссылкой на соответствующие критерии. Я считаю, что необходимо законодательно обязать банки и установить срок и порядок уведомления правоохранительные органы о группах высокого уровня риска.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о незаконной банковской деятельности следователь или руководитель следственного органа применяют открытые (гласные) методы выявления преступления. В рамках этого они вправе: получать объяснения от лиц (сотрудников банка, налоговых органов) образцы для сравнительного исследования (например образцы подчёрка) истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ; назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок производить осмотр документов, предметов, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Однако не стоит ограничиваться только гласными методами. Для выявления незаконной банковской деятельности необходимо привлекать комплекс оперативно-розыскных мероприятий.

При определении объективной стороны в случаях незаконной банковской деятельности важно установить факт незаконного обналичивания денежных средств, осуществляемых под видом правомерной

финансовой деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя, а так же выявить круг лиц, причастных к совершению данного преступления, а так же установить их роли. Так же необходимо установить месторасположение помещения, где происходит «вербовка» дроперов, управление расчетными счетами фиктивных организаций, выдача неправомερных наличных денежных средств, подписание фиктивных договоров и т. д. При доказывании умысла незаконного обналичивания существует определенные сложности, состоящие в обнаружении неопровержимых данных подтверждающих незаконность деятельности и фиктивность оказываемых услуг, т. к. вся деятельность маскируется под легальную, указывая в платежных поручениях сведения о выполненных обязательствах.

В ходе доследственной проверки по делам о незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ) сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) МВД России проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) направленных на выявление, пресечение и раскрытие преступлений. Эти действия регулируются Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года. Оперуполномоченные часто сочетают ОРМ со следственными действиями, собирая информацию о правонарушениях, например, учредительные документы фирм или предпринимателей, данные о банковских счетах, выписки по операциям, лицензии кредитных организаций, акты проверок Банка России, объяснения и технические сведения. Все это помогает подтвердить факты незаконного обогащения. В рамках ст. 144 УПК РФ сотрудники ЭБиПК, являясь органом дознания, могут производить те же действия, как следователь и руководитель следственного органа: изымать предметы и документы, требовать производства проверок, ревизий и экспертиз, что позволяет собрать объективные данные о преступлении. После этого материалы передаются в органы предварительного следствия согласно Инструкции о

представлении результатов ОРД (Приказ МВД России № 776 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»). Следователь анализирует их и решает вопрос о достаточности доказательств для возбуждения уголовного дела или вернуть оперуполномоченным для дополнительного сбора материалов.

Стоит отметить, что для выявления незаконной банковской деятельности эффективно использовать некоторые оперативно-розыскные мероприятия (например, прослушивание телефонных переговоров или снятие информации с технических каналов связи), которые затрагивают конституционные права граждан. При этом очень важно соблюдать законодательство, ведь согласно ст. 89 УПК РФ, использовать результаты оперативно-розыскной деятельности возможно только в том случае, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Более того, некоторые следственные действия по сути своей дублируют оперативно-розыскные мероприятия, и результаты ОРМ несут в себе ключевое доказательственное значение при выявлении и сборе первичных доказательств незаконной банковской деятельности, где факты уже очевидны. Дополнительная проверка в ходе предварительного следствия часто является дублированием ранее проведенных ОРМ, что отрицательно сказывается на сроке предварительного следствия, тем самым затягивая направления уголовного дела с обвинительным заключением.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата доступа: 05.10.2025).

3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Катрыч А.А., 2026

УДК 343.12:343.6

ИСХОДНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Кокорев Р.А.

Заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

С момента поступления в правоохранительные органы информации о совершенном или совершаемом преступлении и до завершения предварительного расследования по возбужденному в этой связи уголовному делу возникают различные условия, постоянно сменяющие друг друга и показывающие все особенности следственной обстановки по делу. Данная обстановка в криминалистике получила название следственной ситуации [1, с. 17].

Деятельность следователя (дознавателя) на первоначальном этапе расследования преступлений против личности зависит от сложившейся следственной ситуации. В свою очередь, типичные следственные ситуации рассматриваемых преступлений обусловлены наличием или отсутствием лица, совершившего преступление.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что в правоприменительной практике при расследовании преступлений против личности исходной выступает одна из следующих следственных ситуаций:

- потерпевший и (или) свидетель называют лицо, совершившее преступление, которое им знакомо, но точные данные о нем сообщить затрудняются (фамилия, адрес места жительства и др.);

- лицо, совершившее преступление, не знакомо потерпевшему и (или) свидетелю. При этом он может или затрудняется описать приметы лица, совершившего преступление;

- потерпевший не видел лицо, совершившее преступление (например, удар был со спины, он сразу потерял сознание и др.). Свидетели (очевидцы) отсутствуют [2].

Исходя из сложившейся следственной ситуации, расследование преступлений против личности, может включать следующие общие мероприятия:

1. В условиях ситуации, когда потерпевший и (или) свидетель описывает приметы лица, совершившего преступление, или оно ему известно. В данной ситуации прежде всего должно иметь место выяснение наиболее полных данных о заподозренном. Чаще всего это возможно при допросах потерпевшего и (или) свидетелей. При этом сначала устанавливаются приметы нападавшего, на основе которых составляется его композиционный портрет. Таких портретов может быть несколько при условии их составления со слов потерпевшего и свидетеля. После этого соответствующая ориентировка доводится до сведения личного состава органа внутренних дел, рассылается по подразделениям правоохранительных органов. Осуществляется проверка по информационным базам данных.

Важная роль при установлении лица, совершившего преступление, о котором имеется информация со слов потерпевшего и (или) свидетеля,

отводится своевременному и качественному взаимодействию следователя (дознателя) с сотрудниками уголовного розыска, участковыми уполномоченными и сотрудниками других подразделений.

Следует отметить, что, несмотря на кажущуюся очевидную перспективу раскрытия преступления в данной ситуации эта цель достигается далеко не всегда. И причиной тому чаще всего служит недостаточная активность следователя либо дознавателя, неэффективное взаимодействие при расследовании уголовного дела.

2. Ситуация, когда лицо, совершившее преступление, не знакомо потерпевшему, который к тому же не запомнил его приметы, является наиболее сложной при условии отсутствия очевидцев (свидетелей). В этом случае необходим детальный допрос потерпевшего с выяснением обстоятельств, предшествовавших совершению преступления. Как показывают результаты анализа правоприменительной практики, возможности раскрытия преступления в данной ситуации невелики.

3. Еще более сложна третья следственная ситуация, когда потерпевший не видел того, кто совершил преступление. В данном случае допрос потерпевшего должен включать вопросы о событиях последнего времени. С целью установления лиц, желавших ему отомстить (из ревности, корысти, зависти и т. п.). Например, у потерпевшего могут быть конкуренты по бизнесу.

При расследовании уголовного дела во второй и третьей следственных ситуациях необходимо провести следующие мероприятия: установить круг знакомых потерпевшего; допросить врачей больницы, куда он был доставлен сразу после получения травмы, в частности, о том, что им пояснял потерпевший; установить и допросить тех лиц, которые обнаружили и доставили потерпевшего в больницу (если была вызвана «скорая помощь», очень важно установить того, кто принял звонок); дать отдельное поручение органу дознания на предмет установления причастности к преступлению:

- а) лиц, ранее судимых за аналогичные преступления;
- б) психически больных, проживающих в районе совершения преступления;
- в) лиц, на которых потерпевший указывает как на своих врагов, соперников и т. д.

Причем лицу, производящему предварительное расследование, нельзя ограничиваться лишь дачей отдельного поручения органу дознания. Следователю (дознавателю) необходимо допрашивать лиц, обладающих интересующей его информацией, направлять запросы в различные организации (например, в регистрационную палату – на предмет того, с какого времени интересующее лицо зарегистрировано в качестве предпринимателя) и т. д. Обязательному допросу подлежат лица, на которые потерпевший указывает как на возможно совершивших преступление. После этого нужно проверить данную ими информацию, касающуюся всех событий дня, а также конкретного временного промежутка, в которые было совершено преступление. Такая проверка проводится путем допросов свидетелей (с кем встречалось интересующее следствие лицо), запросов в медицинские и другие учреждения, которые посещало данное лицо. Так, в поликлиниках, например, ведется учет обратившихся за помощью пациентов (в журналах записи может быть указано время посещения).

Ограниченный объем научной статьи не позволяет более подробно отразить всю деятельность следователя (дознавателя) в той или иной складывающейся следственной ситуации. В свою очередь, при расследовании преступлений против личности, при любой следственной ситуации необходимо тщательно закреплять и сохранять следы (улики) преступления, в последующем вещественные доказательства по уголовному делу. Чаще всего проводятся такие следственные действия, как допрос (если пострадавший сможет дать показания), судебно-медицинское освидетельствование потерпевшего, изъятие и осмотр одежды потерпевшего

(при необходимости), осмотр места происшествия. При установлении лица, совершившего преступление, в качестве первоначальных процессуальных действий можно выделить его допрос в качестве подозреваемого, освидетельствование подозреваемого, осмотр его одежды, производство обыска жилища подозреваемого, осмотр орудий преступления, опознание. Данный перечень не является исчерпывающим и в зависимости от сложившейся следственной ситуации может быть расширен.

В заключение отметим, что следственная ситуация, будучи динамической и постоянно изменяющейся криминалистической категорией, соответствует какому-либо определенному моменту расследования [3, с. 214–221]. Следовательно, для решения организационных, тактических и методических вопросов, связанных с ее разрешением, необходимо определить период, в пределах которого следственная ситуация будет считаться исходной.

Литература

1. Кокорева Л.В. Исходные следственные ситуации при расследовании карманных краж, совершаемых в общественном транспорте // Криминалистическое обеспечение расследования современных преступлений: тезисы научных сообщений. М., 2009. Вып. № 31
2. Кокорев Р.А. Использование медицинских знаний в расследовании преступлений против личности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
3. Кокорева Л.В. Следственные ситуации при расследовании карманных краж // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. М., 2010. Ч. 3.

© Кокорев Р.А., 2026

ДОСТУПНОСТЬ И ОТКРЫТОСТЬ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кокорева Л.В.

Профессор кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

В современном обществе вопросы доступности и открытости уголовного судопроизводства приобретают все большее значение. С одной стороны, общество требует прозрачности судебных процедур для обеспечения справедливости и предотвращения злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. С другой стороны, существует необходимость защиты прав участников процесса, включая сохранение конфиденциальности личной информации и обеспечение их безопасности [1, с. 299–302].

В последние годы такие качества судебной системы, как доступность, независимость, доверие, а также открытость и прозрачность, превратились в ключевые критерии оценки эффективности работы судов и отдельных судей. Идея доступности и открытости судебного разбирательства имеет глубокие корни в правовой традиции многих стран. Однако исторически доступ к судебным процессам был ограничен различными факторами, такими как секретность государственных дел, интересы национальной безопасности и защита частной жизни участников уголовного судопроизводства.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» отмечено, что открытость и гласность

судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судоустройстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду [2]. Разделяя мнение ученых, считаем, что одним из основополагающих принципов правосудия выступает открытость. Данный принцип означает транспарентность, защиту прав человека, а соответственно, при соблюдении способствует доверию нашего общества к судебной системе.

Следует также отметить, что формирование глобального информационного общества оказало влияние на разнообразные области социальной жизни. Наряду с усилением стремлений к прозрачности и доступности судебной системы, оно также способствовало появлению инициатив, направленных на защиту личной информации. Это становление происходит за счет опоры на существующие ценности и приоритеты [4]. Так, к категориям ограниченного доступа небезосновательно относят: государственную тайну (Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (ст. 5) и др.), коммерческую тайну (Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»), налоговую тайну (Налоговый кодекс РФ (ст. 102, 142.5, 313)), банковскую тайну (Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ст. 26) и др.), нотариальную тайну (Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 16, 28, 34.1), адвокатскую тайну (Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ст. 8, 39.5) тайну следствия (Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) (ст. 161), и др.), тайну совещания судей (УПК РФ (ст. 298, 341), Кодекс РФ об

административных правонарушениях (ст. 175), Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 194), персональные данные (любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 7) и др.), сведения о судебно-экспертных исследованиях (Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 14, 16), сведения, ставшие известными гражданам в ходе оперативно-розыскной деятельности (Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 17). Заметим, что приведенный перечень не является исчерпывающим [5].

Преимущества открытости видятся в том, что открытость уголовного процесса способствует укреплению доверия общества к правоохранительной и судебной системам. Когда граждане могут наблюдать за ходом расследования и судебного разбирательства, они получают уверенность в том, что их права защищены, а правосудие осуществляется справедливо. Кроме того, публичные процессы способствуют повышению уровня юридической грамотности населения и формированию общественного мнения по важным вопросам.

Доступность и открытость уголовного процесса следует рассматривать в следующих значениях:

Во-первых, участники уголовного судопроизводства наделены законодателем конкретными правами, могут самостоятельно защищать свои права в уголовном процессе, участвовать при проведении следственных действия, а также в судебном заседании, оценивать законность действий и решений должностных лиц органов предварительного расследования и суда (раздел 2, гл. 2, 15, 16 УПК РФ и др.).

Во-вторых, мы должны понимать, что прозрачность уголовного процесса значительно снижает риски произвола со стороны должностных

лиц и коррупции, повышает вероятность того, что принимаемые следователем, дознавателем или судьей решения по уголовному делу будут основываться на доказательствах (ст. 7, 17, гл. 10, 11 УПК РФ).

В-третьих, к правоохранительным органам больше доверия у населения, если они видят, что открыто и честно (справедливо) принимаются решения и осуществляются процессуальные действия.

В-четвертых, граждане лучше понимают судебную систему правосудия при открытости процессов и своевременном информировании об этом.

Однако, несмотря на значительные преимущества открытости и доступности уголовного процесса, все же существуют и определенные сложности. Так, открытость не всегда является безусловным благом. В некоторых случаях она может привести к нарушению прав участников процесса, особенно если речь идет о защите персональных данных или безопасности участников. Например, раскрытие личных сведений о потерпевших или свидетелях может подвергнуть их опасности или нанести им моральный вред. Кроме того, чрезмерная медиатизация уголовных процессов может создать давление на судей и присяжных, что негативно скажется на объективности вынесения приговоров. В таких ситуациях важно соблюдать баланс между правом на информацию и необходимостью защиты интересов всех сторон.

В юридической литературе дискуссионным является вопрос предупреждения участников стороны защиты (гл. 7 УПК РФ) о недопустимости разглашения данных предварительного расследования в соответствии со ст. 161 УПК РФ и о соответствующей уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. По мнению адвоката К. Бабасова, довольно часто приходится наблюдать, как обвиняемых предупреждают об ответственности по ст. 161 УПК РФ, и суды в порядке ст. 125 УПК РФ признают действия следователей законными. По мнению данного адвоката, такую деятельность следователя нельзя признать законной. К сожалению,

«сегодня мы наблюдаем постепенное «сворачивание» открытости государственных информационных баз данных, замкнутость государственных институтов, ужесточение законодательства об НКО, что в конечном итоге может привести к снижению качества госуправления» [6].

В свою очередь, разделяя мнение А.С. Есиной, Е.В. Блиновой [7, с. 113–117], полагаем, что защитник (адвокат) так же, как и другие участники уголовного процесса, при необходимости должен предупреждаться о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Этот вывод очевиден и следует из анализа ч. 3 ст. 53 УПК РФ.

Следует обратить внимание на другие существующие проблемы открытости уголовного процесса:

Во-первых, в определенных случаях судебный процесс проходит в закрытом формате (случаи не являются исчерпывающими – охрана государственной тайны, защита личной жизни участников). Результаты изучения судебной практики позволили Е.В. Петриковой, Е.И. Шигуровой сделать вывод, что нередко суды допускают нарушения этого базового принципа, принимая решение о проведении закрытого судебного разбирательства при отсутствии необходимых для этого оснований из числа предусмотренных законом [8].

Приведем пример их судебной практики. Согласно постановлению о назначении судебного заседания, судом назначено закрытое судебное заседание. Однако суд апелляционной инстанции посчитал, что принятие судом первой инстанции решение о закрытом судебном заседании являлся ошибочным и противоречащим требованиям закона, поскольку при данных обстоятельствах отсутствовали основания, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, что, в свою очередь, свидетельствует о нарушении судом принципа гласности [9].

Во-вторых, не всегда удается проинформировать о результатах расследования. Это возможно при отсутствии результатов либо в целях сохранения тайны предварительного расследования. В свою очередь,

граждане начинают сомневаться в эффективности методов расследования. Это не может не вызывать недовольство. Подозрительность в коррупции.

В-третьих, полная открытость уголовного процесса может привести к способу манипуляции общественным мнением или укрывая недостатков в работе органов предварительного расследования и суда. К примеру, некоторые псевдожурналисты Интернет-сайтов заинтересованы в получении прибыли, а не освещения деятельности правоохранительных органов и судов. Они применяют различные, в том числе незаконные, методы донесения информации до широких масс, тем самым искажая правовую информацию, необоснованно упрощая юридический язык, дают субъективную оценку судебных процессов.

В-четвертых, зачастую граждане и должностные лица сталкиваются с трудностями при попытке получить доступ к материалам уголовного дела, что не соответствует доступности и открытости уголовного процесса.

Таким образом, ограничения доступа к уголовному процессу недостаточная информированность, цензура и манипуляции, сложности доступа к процессуальным документам следует отнести к проблемам доступности и открытости уголовного судопроизводства.

Совершенствование открытости уголовного процесса видится в следующем. Во-первых, необходимо регулярно обновлять законодательство и практику его применения. Одним из возможных решений является введение дифференцированного подхода к открытости различных стадий уголовного процесса. Так, предварительное расследование может оставаться закрытым для общественности, чтобы избежать утечки важной информации и давления на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Судебное же разбирательство должно быть максимально открытым, с возможностью ограничения доступа только в исключительных случаях. Во-вторых, нельзя забывать о важной роли современных технологий, которые позволяют обеспечить доступность информации без нарушения прав участников процесса. Например, онлайн-

трансляции судебных заседаний могут стать эффективным инструментом повышения прозрачности, при этом обеспечивая защиту персональных данных. В этой связи представляется необходимой специальная подготовка журналистов, профилирующихся на освещении судебных процессов, в целях доведения без искажения правовой информации. В судебные заседания следует привлекать корреспондентов, которые ориентируются в юридической терминологии, дорожат своей репутацией, чтобы не публиковать информацию искаженного характера, без субъективного подхода к изложению судебных процессов.

В заключение отметим, что открытость и доступность уголовного процесса являются важными элементами демократического общества, способствуют укреплению доверия к правосудию и обеспечению справедливости. Однако достижение оптимального баланса между гласностью и защитой прав участников процесса требует внимательного подхода и постоянного совершенствования правовых норм и практик. Необходимо создавать условия для более свободного доступа общества к информации о производстве по делу с более детальным регулированием процедуры применения средств массовой коммуникации.

Литература

1. Кустов А.М., Кокорев Р.А. Механизм противодействия расследованию уголовных дел: теоретический аспект // Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития: сб. статей научно-представительских мероприятий. М., 2024.

2. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Проблемы практической реализации принципа открытости правосудия в Российской Федерации. СПб., 2013.

4. Перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Бабасов К. Проблема информационной открытости в уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problema-informatsionnoy-otkrytosti-v-ugolovnom-protssesse/> (дата обращения: 30.09.2025).

6. Есина А.С., Блинова Е.В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования // Вестник Московского университета МВД России. 2020 № 3.

7. Петрикова Е.В., Шигурова Е.И. Гласность как принцип уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2024/02/7.-petrikova-shigurova-1.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

8. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-8710/2023 22К-8710/2023 от 13 декабря 2023 г. по делу № 3/12-12/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 30.09.2025).

© Кокорева Л.В., 2026

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ В СВЯЗИ С БЫСТРЫМИ ТЕМПАМИ РАЗВИТИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Маилян А. В.

Доцент кафедры криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук

В настоящее время актуальной проблемой является повышение качества следствия и дознания в условиях быстрого развития форм и методов преступности. Существуют факторы, влияющие на эффективность деятельности следственных органов и органов дознания, такие как технологический прогресс, совершенствование преступных схем, недостаточная квалификация кадров и ограниченность ресурсов. Однако имеют место быть определенные пути совершенствования, включающие внедрение современных технологий повышения профессиональных качеств сотрудников, оптимизацию межведомственного взаимодействия и совершенствование нормативно-правовой базы.

В современном мире, характеризующемся стремительным научно-техническим прогрессом и глобализацией, преступность также эволюционирует, приобретая новые, более сложные и изощренные формы. Использование информационных технологий, трансграничный характер многих преступлений, а также совершенствование преступных схем создают серьезные вызовы для правоохранительной системы, в частности, для органов предварительного следствия и дознания.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию

деятельности следственных органов и органов дознания в условиях быстроменяющейся криминальной обстановки.

Прежде всего, необходимо разобраться, что из себя представляет преступная деятельность, ее формы и методы. Итак, преступная деятельность представляет собой систему осознанных умыслов (или бездействий) индивида, вызывающих трансформации в окружающей среде (природной, социальной) и квалифицируемых как представляющие опасность для общества и влекущие за собой уголовную ответственность.

Преступность – сложный феномен, обусловленный множеством взаимосвязанных причин.

Формы противоправной деятельности варьируются, включая: организованные преступные группы, действующие на определенной территории и занимающиеся общеуголовными преступлениями; группы, специализирующиеся на экономических преступлениях и имеющие связи с коррумпированными должностными лицами; группы, действующие в местах лишения свободы и организующие преступления против заключенных и персонала; группы, использующие межрегиональные связи; группировки, действующие в узких сферах незаконной деятельности, таких как угон автомобилей, производство наркотиков, финансовые махинации; этнические преступные группы; и террористические организации, преследующие политические цели.

Для повышения эффективности следственных действий важно развивать профессиональные навыки сотрудников, обеспечивать их современным оборудованием и программным обеспечением. Также необходимо улучшать взаимодействие между различными правоохранительными органами и обмен информацией, что позволит быстрее реагировать на новые угрозы.

Таким образом, системный подход к повышению качества следствия и дознания, включающий обучение, технологическое оснащение, международное сотрудничество и правовые реформы, создаст условия для

более эффективной борьбы с преступностью в условиях быстро меняющегося мира.

Современный этап развития преступности характеризуется не только ростом ее количественных показателей, но и существенным изменением качественных характеристик. Преступность становится более организованной, технологически оснащенной и изощренной, что предъявляет повышенные требования к качеству следствия и дознания. Следственные органы и органы дознания должны оперативно адаптироваться к новым вызовам, совершенствуя свои методы и тактики работы, используя современные технические средства и привлекая специалистов различного профиля.

Одним из ключевых направлений повышения качества следствия и дознания является совершенствование криминалистической техники и тактики. Преступники активно используют информационные технологии для совершения преступлений, сокрытия следов и противодействия расследованию. Поэтому необходимо разрабатывать и внедрять новые методы обнаружения, фиксации и изъятия электронных следов, а также методики анализа цифровой информации.

К числу важнейших задач относятся:

1. Разработка и внедрение новых методов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Это включает в себя совершенствование методов работы с компьютерной техникой, мобильными устройствами, цифровыми носителями информации, а также разработку программного обеспечения для анализа больших объемов данных.

2. Совершенствование тактики проведения следственных действий, направленных на раскрытие сложных и организованных преступлений. Необходимо разрабатывать и внедрять новые тактические приемы допроса, обыска, осмотра места происшествия, а также тактики взаимодействия между различными следственными подразделениями и экспертными учреждениями.

3. Внедрение современных технических средств в практику следственной и экспертной деятельности. Это включает в себя использование современных средств связи, видеонаблюдения, фото- и видеофиксации, а также экспертно-криминалистической техники для обнаружения и исследования следов преступлений.

4. Повышение квалификации следователей и дознавателей в области криминалистической техники и тактики. Необходимо регулярно проводить обучение и переподготовку сотрудников следственных органов, обучая их новым методам работы и использования современной техники.

5. Совершенствование взаимодействия между следственными органами и экспертными учреждениями. Необходимо создавать условия для оперативного обмена информацией между следователями и экспертами, а также для совместного планирования и проведения следственных действий.

Кроме того, важным аспектом является повышение уровня криминалистической грамотности населения. Информирование граждан о распространенных схемах мошенничества, правилах безопасного поведения в сети Интернет, а также о способах защиты своих прав и интересов может значительно снизить уровень виктимности и способствовать предотвращению преступлений.

Важную роль в повышении качества следствия и дознания играет также совершенствование нормативно-правовой базы. Необходимо оперативно реагировать на изменения в криминальной обстановке и вносить соответствующие изменения в уголовное, уголовно-процессуальное и криминалистическое законодательство.

Эффективность борьбы с современной преступностью во многом зависит от:

- оперативности и профессионализма следственных органов;
- использования современных криминалистических методов и технических средств;

– взаимодействия с экспертными учреждениями и научным сообществом;

– активного участия граждан в борьбе с преступностью.

Повышение качества следствия и дознания – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и инвестиций. Только благодаря совместным усилиям можно обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан и поддержание правопорядка в обществе.

Эффективность следственных органов и органов дознания формируется под воздействием целого комплекса разнонаправленных факторов.

С одной стороны, технологический прогресс открывает новые возможности для расследования преступлений, автоматизации рутинных процессов, обработки больших объемов данных и получения доказательств. Однако параллельно с этим совершенствуются и преступные схемы становятся более изощренными и трудно выявляемыми. Преступники активно используют современные технологии для сокрытия следов, общения и координации действий.

С другой стороны, существенное влияние оказывают внутренние факторы, такие как уровень квалификации кадров и обеспеченность ресурсами. Недостаточная компетентность следователей и дознавателей, отсутствие современных знаний и навыков, а также нехватка необходимого оборудования, финансирования и экспертной поддержки серьезно ограничивают возможности по раскрытию и расследованию преступлений.

В результате возникает сложная динамическая система, в которой технологический прогресс и совершенствование преступности создают новые вызовы, а недостаточная квалификация кадров и ограниченность ресурсов затрудняют адекватную реакцию на эти вызовы. Для повышения эффективности деятельности следственных органов и органов дознания необходимо обеспечивать опережающее развитие технологий,

непрерывное повышение квалификации сотрудников и надлежащее ресурсное обеспечение.

Совершенствование качества следствия и дознания – непрерывный процесс, требующий комплексного подхода. Необходим постоянный поиск новых путей повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Как уже ранее упоминалось, одним из ключевых направлений является активное внедрение современных технологий. Цифровизация процессов, использование аналитических систем и баз данных, применение искусственного интеллекта для обработки информации позволяют значительно ускорить и упростить сбор доказательств и расследование преступлений. Важно обеспечить доступность этих технологий для всех сотрудников, независимо от их места работы.

Пути оптимизации работы следственных подразделений и подразделений дознания в условиях динамично меняющейся криминогенной обстановки:

1. Обеспечение слаженной координации. Необходимо интегрировать процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия для получения доказательств и установления обстоятельств дела.

2. Четкое распределение ответственности между участниками совместной работы. Каждый, действуя в рамках своей компетенции и используя доступные средства и методы, должен стремиться к общей цели – оперативному и всестороннему раскрытию преступлений, а также установлению виновных лиц.

3. Углубленная специализация следователей и дознавателей по определенным видам преступлений. Целесообразно закрепить за органами дознания конкретные зоны ответственности, соответствующие границам территориальных участков.

4. Активное внедрение современных средств и методов обмена данными, позволяющих экономить время и ресурсы. При этом необходимо

уделять внимание вопросам проверки достоверности информации, сохранению конфиденциальности следственных и оперативных данных, а также другим аспектам безопасности.

5. Гарантирование безопасности всех участников уголовного процесса, посторонних лиц и окружающего пространства.

6. Сосредоточение усилий следователей на расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, передавая дела о преступлениях небольшой и средней тяжести в производство дознавателям.

Возможные трудности, возникающие при реализации предложенных мер:

Во-первых, несогласованность действий. Отсутствие четкого понимания границ компетенции между сотрудниками органов следствия и дознания. Снижение уровня ответственности у следователей и дознавателей за порученное дело.

Во-вторых, перекладывание задач за пределы компетенции конкретного органа. Недостаточное понимание следователями полномочий органов дознания и их соотношения с компетенцией полиции и иных органов, уполномоченных проводить расследование.

В-третьих, затруднения в обмене информацией, связанные с территориальной удаленностью структурных подразделений, что влечет обращения в сторонние организации и службы, увеличивая сроки предварительного расследования.

В заключение следует подчеркнуть, что повышение качества следствия и дознания в связи с быстрыми темпами развития форм и методов преступной деятельности является сложной и многогранной задачей, требующей комплексного подхода. Необходима постоянная работа по совершенствованию криминалистической техники и тактики, повышению квалификации сотрудников следственных органов, совершенствованию нормативно-правовой базы и повышению криминалистической грамотности населения. Только в этом случае можно обеспечить эффективное противодействие современной преступности и защитить права и законные

интересы граждан. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку и апробацию новых криминалистических методов и средств, а также на совершенствование системы подготовки и переподготовки следователей и дознавателей.

Литература

1. Арестова Е.Н., Есина А.С., Жамкова О.Е. Уголовно-процессуальная деятельность полиции. М., 2023.

2. Арестова Е.Н., Есина А.С., Фадеев П.В. Предварительное следствие в органах внутренних дел. Взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства. М., 2023.

3. Авдеев В.Н. Обеспечение качества предварительного расследования: учеб.-практ. пособие. М., 2015.

4. Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. М., 2018.

© Маилян А.В., 2026

УДК 343.14

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ И СИСТЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Мандрыка М.О.

Старший следователь Следственного отдела
по Центральному району г. Симферополь
СК России по Республике Крым и г. Севастополю

Любой вопрос, касающийся доказательств, начинается с того, что же именно следует понимать под термином «доказательства». Правильное

определение данного термина является необходимым условием осуществления доказывания, на котором основывается все уголовное судопроизводство.

Следует отметить, что первые трактовки относительно содержания термина «доказательство» начали формироваться на рубеже XIX–XX вв. Эти «дореволюционные» трактовки можно охарактеризовать как неточные и противоречивые.

Так, Владимиров Л.Е. уголовным доказательством признавал данные, порождающие убеждения в существовании или отсутствии какого-либо обстоятельства. По его мнению, все, что наполняет мир вещественный, все, что может быть воспринято из мира духовного, может составлять уголовное доказательство [1, с. 134]. Автор Духовский М.В. доказательством считал все, что способно способствовать разъяснению преступления, невиновности или виновности обвиняемого [4, с. 137]. Автор Глейзер Ю.А. под доказательством понимал совокупность оснований убеждения в действительности или недействительности обстоятельства, подлежащего судебному удостоверению по данному делу [2, с. 7].

Такой разносторонний подход был обусловлен зарождением и формированием взглядов ученых на понятие «доказательство» в уголовном процессе.

После прихода к власти большевиков и создания СССР советские ученые во многом продолжили развитие взглядов дореволюционных авторов на вопросы, связанные с уголовно-процессуальным доказыванием. При этом из всех предложенных вариаций трактовок термина «доказательство» выделилось несколько полноценных концепций. Одной из них стала логическая концепция.

В теории уголовного процесса понимание доказательств лишь как фактов составляет содержание логической концепции доказательств, истоки которой прослеживаются в работах Фойницкого И.Я. А именно, любое

доказательство сводится к силлогизму, составляющему окончательный результат нашего рассуждения, разбитый на его составные части.

Искажение процедурных аспектов доказывания, сужение предмета доказывания возникают вследствие непонимания базовых положений и определений доказательного права. Понимание и трактовка указанного термина также положено в основу решения вопросов о допустимости доказательств. Оно задает правовые требования к формированию доказательств. Данные требования, в свою очередь, позволяют избежать ошибок, допускаемых в уголовном судопроизводстве.

Учитывая приведенное, необходимо определиться, что же следует понимать под термином «доказательства» в уголовном процессе.

Необходимо акцентировать внимание на том, что доказательство включает в себя не только содержание отражаемого, но и его форму, которая позволяет образу отражаемого существовать в реальной действительности. Если не учитывать в доказательствах установленную законом форму существования отражения, то они будут лишь объективно сохраненными следами события, которое состоялось [5, с. 252].

Понятие доказательства в уголовном процессе определяется большинством ученых как сочетание фактических данных и их процессуальных источников [3, с.185].

Понятие «фактические данные» в уголовном процессе требует четкого разграничения онтологического и гносеологического аспектов. Сами факты объективной действительности, будучи событиями прошлого, не могут быть непосредственно «приобщены» к материалам дела. Субъект доказывания оперирует не ими, а их информационными отпечатками – сведениями, которые эти факты породили. Таким образом, в процессуальное поле попадают лишь те события и явления, которые были установлены дознавателем, следователем или судом в силу их доказательственного потенциала – способности подтверждать или опровергать обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Определение доказательств, данное в ст. 74 УПК РФ, подтверждает этот тезис, указывая в качестве таковых именно «любые сведения». Однако данная норма раскрывается через отсылку к другой фундаментальной категории – доказыванию, что делает последнюю ключевой для понимания всей системы.

Содержанием уголовно-процессуального доказывания является комплексная деятельность уполномоченных субъектов. Как справедливо отмечает Удалова Л.Д., эта деятельность не сводится к формальной логике, а представляет собой практическую работу по сбору, проверке и оценке доказательств, итогом которой становится формулирование и обоснование юридически значимых выводов [11, с. 105].

Ключевая особенность такого доказывания – его ретроспективный характер. Преступление как акт всегда обращено в прошлое, что превращает доказывание в сложную процедуру реконструкции произошедшего. Эта реконструкция возможна лишь благодаря анализу материальных и идеальных следов, запечатлевшихся на объектах реального мира и в сознании людей. Именно эти следы, будучи процессуально закреплены, и обретают статус доказательств, становясь тем сырьем, из которого складывается картина события преступления [7, с. 98]. Следовательно, отправной точкой в этой деятельности является сбор (формирование) доказательственной базы, выявление и фиксация релевантной информации в строгом соответствии с процедурой, предписанной УПК РФ.

Сбор доказательств – накопление доказательного материала по делу, состоящего из системы действий выявления, получения, фиксации, изъятия и сохранения доказательств.

Способами сбора доказательств и их процессуальных источников являются проведение следственных действий; назначение ревизий, проверок, исследований; истребование необходимых данных и документов; принятие предметов и документов; фиксация фактических данных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Исследование доказательств – это познание субъектом доказывания их содержания в отношении соблюдения требований достоверности, принадлежности, допустимости, а также установление согласованности со всеми другими доказательствами по делу.

Итак, как видим, среди элементов процесса доказывания обязательно выделяют три этапа. Это сбор доказательств, проверка доказательств и их оценка. Это основные элементы, без которых вообще невозможен процесс доказывания. Однако некоторые ученые выделяют еще и другие этапы, среди которых построение (выдвижение) и динамичное развитие версий по уголовному делу, закрепление доказательств, получение окончательных выводов по сути дела, обоснование выводов по делу, к которым пришли субъекты доказывания, непосредственное привлечение доказательств для подтверждения или опровержения определенного факта.

Мы считаем, что построение и развитие версий по уголовному делу следует отнести к этапу сбора доказательств, ведь именно в ходе их сбора у субъектов расследования с помощью логических выводов появляются определенные версии по делу. Закрепление доказательств – это обязательный элемент сбора доказательств. Ведь собранные доказательства необходимо каким-то образом закрепить. Получение окончательных выводов, по сути дела, нельзя выделить в отдельный элемент, поскольку оценка доказательств именно и имеет целью получение таких выводов, а также их обоснование. Если же выделять как отдельный элемент получение окончательных выводов или обоснование выводов по делу, тогда не понятно, какую цель преследует оценка доказательств. Непосредственное привлечение доказательств для подтверждения или опровержения определенного факта можно отнести в отдельный элемент процесса доказывания, однако он не имеет никакой смысловой нагрузки и заключается лишь в привлечении к делу уже полученных доказательств.

По нашему мнению, доказательствами в уголовном деле являются различные фактические данные, на основании которых в определенном

законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и другие обстоятельства, имеющие значение для правильного решения дела.

Приведенная дефиниция соответствует задачам уголовного судопроизводства, его руководящим принципам, которые должны обеспечивать достижение объективной истины, принятие законных и обоснованных решений органами предварительного расследования и судебной власти.

Что же следует понимать под материальными источниками доказательств? По этому поводу можно отметить, что информация, первоначальным источником которой выступает событие преступления, распространяется на те носители, с которыми это событие столкнулось (лица, предметы), откуда, в свою очередь, оно может распространяться и на другие носители. Указанные объекты, с которых может добываться информация во время производства по уголовным делам, можно назвать материальными источниками доказательной информации. В свою очередь, источники доказательств, которые создаются во время производства по уголовному делу с соблюдением процессуальной формы, следует называть процессуальными, чтобы подчеркнуть отличие последних от материальных источников доказательной информации [9, с. 77].

Можно включать источники доказательств в сами доказательства как элементы или указывать их как факторы влияния на содержание доказательства, определяющие его субъективную форму. Основным является то, что источники напрямую связаны с самими доказательствами и в уголовном процессе играют основную роль при определении допустимости доказательств, в связи с чем игнорировать их невозможно. Но УПК РФ, давая определение доказательству, говорит лишь об одной его стороне – сведениях, ничего не упоминая об обязательности соблюдения процессуальной формы при их получении и закреплении.

В перечень процессуальных источников включены показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого, показания обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следователей и судебных действий, протоколы с соответствующими приложениями, составленные уполномоченными органами по результатам оперативно-розыскных мероприятий, и другие документы.

Михеенко М.М. отмечает, что неправильно считать источником доказательств свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, экспертов, авторов процессуальных и других документов. Пока доказательная информация, которую имеют определенные лица, не полученная от них и не зафиксированная в предусмотренной УПК РФ форме, не изложена в заключении эксперта, в документе доказательств еще нет, а следовательно, и их источников, которые должны находиться в деле. Перечисленных же лиц точнее было называть носителями возможной доказательной информации [8, с. 77].

Разделяет данное мнение и Тертышник В.М. Он отмечает, что следует разграничивать источники и носители доказательств. Под источником понимается то, что дает начало чему-либо. Под носителем – то, что может служить средством отображения, фиксации, сохранения, переноса [10, с. 285].

Таким образом, несмотря на то, что понятие доказательств определено в уголовно-процессуальном законодательстве, среди ученых-процессуалистов до сих пор существуют различные точки зрения относительно того, что следует понимать под этим понятием.

Также хотелось бы отметить, что уголовно-процессуальный закон раскрывает определение понятия «доказательства» через другой термин – «доказывание». Несмотря на то, что в УПК РФ в ст. 85 указано, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств, среди ученых также до конца не определено количество элементов

(этапов) доказывания. Отдельные ученые выделяют разное количество указанных элементов.

Исходя из вышесказанного, следует на законодательном уровне закрепить иное понятие доказывания, чтобы не возникало споров по этому поводу: доказывание – это деятельность лица проводящего дознание, следователя, прокурора, судьи, реализуемая в ходе осуществления ими своих профессиональных обязанностей и направленная на сбор, проверку и оценку доказательств и их процессуальных источников, а также формирование на их основе соответствующего заключения.

Таким образом, только при условии детальной регламентации в действующем уголовно-процессуальном законодательстве основных подходов к понятию, видам и источникам доказательств можно создать благоприятные предпосылки для обеспечения эффективного и действенного механизма по поводу раскрытия и расследования преступлений.

Доказательства как фундаментальную уголовно-процессуальную категорию необходимо более глубоко исследовать, научно обосновать и поставить во главе базовых понятий уголовного процесса.

Литература

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.
2. Глейзер Ю.А. Руководство по уголовному судопроизводству. М., 1883. Т. 1. С. 7.
3. Джаватханов М.А., Мирзабалаев М.Н. Особенности определения понятия доказательств в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 2.
4. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905.
5. Евсеева Л.В. Понятие доказательств и их сущность в расследовании уголовных дел // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 6 (63).
6. Епифанов М.И. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2022. № 48 (443).

7. Корнакова С.В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 1 (194).

8. Михеенко М.М., Нор В.Т., Шибико В.П. Уголовный процесс. М., 1999.

9. Сивочек С. Анализ понятия доказательства в уголовном процессе // Право. 2001. № 9.

10. Тертышник В.М. Уголовно-процессуальное право: учебник. М., 2003.

11. Удалова Л.Д. Уголовный процесс. Общая часть. М., 2005.

© Мандрыка М.О., 2026

УДК 343.131

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мандрыка Ю.С.

Доцент кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук

Миронова А.В.

Начальник кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

На современном этапе развития информационных технологий в российской уголовно-процессуальной сфере выделяются ключевые

проблемные аспекты, решение которых определит дальнейшие перспективы цифровизации данной отрасли.

Одной из важнейших проблем является несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Действующее законодательство не содержит комплексного подхода к регламентации использования цифровых инструментов, что порождает правовую неопределенность и затрудняет их внедрение. Отсутствуют четкие правовые механизмы признания электронных доказательств, процедуры проведения следственных действий с использованием информационных технологий стандарты электронного документооборота в уголовном процессе [2, с. 168].

В отечественном уголовно-процессуальном контексте на актуальном этапе развития информационных технологий сохраняется проблема недостаточной технической оснащенности правоохранительных органов и судебных инстанций. Многие подразделения задействуют морально устаревшее оборудование и программные средства, что ограничивает возможности применения передовых технологических решений. Отсутствие единой информационной платформы затрудняет эффективное межведомственное взаимодействие и координацию участников уголовного судопроизводства.

Также существенным барьером выступает недостаточный уровень цифровой компетентности некоторых сотрудников правоохранительных органов и работников судебной системы. Ограниченные навыки работы с современными информационными технологиями снижают эффективность их применения и создают риски ошибок при обработке цифровых данных и электронных документов.

В контексте развития информационных технологий в отечественном уголовно-процессуальном поле особую актуальность приобретает проблематика информационной безопасности. Существующие системы защиты данных не всегда в полной мере соответствуют современным

киберугрозам, что создает риски утечки конфиденциальной информации и несанкционированного доступа к материалам уголовных дел. Необходимо постоянное совершенствование и укрепление механизмов защиты информации, а также обеспечение безопасности электронного документооборота.

В то же время анализ текущего положения дел позволяет выявить перспективные направления дальнейшего развития и внедрения информационных технологий в российское уголовное судопроизводство.

Одним из ключевых векторов развития является формирование единой цифровой платформы уголовного судопроизводства, которая обеспечит комплексную интеграцию всех участников процесса и автоматизацию их взаимодействия. Данная платформа должна включать функционал электронного документооборота, интегрированную систему управления данными, а также передовые инструменты аналитики и поддержки принятия решений [5, с. 394].

Кроме того, перспективным представляется внедрение технологий искусственного интеллекта для целей анализа больших массивов данных, выявления закономерностей в преступной деятельности, поддержки проведения следственных действий и подготовки процессуальных документов. Реализация данного подхода позволит значительно повысить эффективность расследования преступлений и качество принимаемых решений.

Перспективным направлением в контексте цифровизации уголовного судопроизводства выступает развитие систем видеоконференцсвязи и технологий дистанционного участия в процессуальных действиях. Расширение возможностей удаленного взаимодействия позволит существенно повысить доступность правосудия, а также снизить временные и материальные издержки участников процесса.

Кроме того, важным перспективным направлением является создание электронных архивов уголовных дел, обеспечивающих безопасное долгосрочное хранение и оперативный доступ к материалам производств. Реализация данного подхода будет способствовать оптимизации работы с документами и надежному обеспечению их сохранности.

Значимым перспективным направлением цифровой трансформации выступает развитие мобильных технологических решений, предназначенных для использования следователями и иными участниками уголовного судопроизводства непосредственно на местах событий. Данные технологии могут включать в себя системы фиксации доказательств, а также средства оперативного доступа к информационным базам данных.

На основе анализа существующих проблем и перспектив развития информационных технологий в уголовном процессе России можно сформулировать ряд конкретных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и практического применения цифровых инструментов.

Следует детально регламентировать процедуры проведения следственных действий с использованием информационных технологий, включая дистанционный допрос, электронное предъявление для опознания и другие процессуальные действия [1, с. 91].

Важным направлением совершенствования правового регулирования является разработка стандартов информационной безопасности и защиты персональных данных в уголовном процессе. Необходимо установить четкие требования к техническим средствам и программному обеспечению, используемому в ходе следствия и судебного разбирательства, определить порядок доступа к электронным материалам уголовного дела и ответственность за нарушение установленных правил [4, с. 212].

В практической плоскости рекомендуется создание единой защищенной цифровой платформы уголовного судопроизводства. Данная

платформа должна обеспечивать электронное взаимодействие всех участников процесса, автоматизированное формирование процессуальных документов, надежное хранение и передачу данных. Особое внимание следует уделить разработке удобного пользовательского интерфейса и интеграции с существующими ведомственными информационными системами.

Для повышения эффективности практического применения информационных технологий рекомендуется организовать систематическое обучение сотрудников правоохранительных органов и судей работе с цифровыми инструментами. Целесообразно разработать специализированные программы повышения квалификации, включающие как теоретическую подготовку, так и практические занятия по использованию современных технологических решений [3, с. 80].

Унификация практики применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве требует издания специализированного методического документа. Его содержательное наполнение должно охватывать три ключевых блока: регулирование оборота электронных доказательств, процедуру использования технических средств при производстве следственных действий и унификацию требований к электронному процессуальному делопроизводству.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд ключевых выводов, касающихся совершенствования использования информационных технологий в российском уголовном процессе.

Анализ существующего положения дел в данной сфере выявил ряд существенных проблем, препятствующих эффективной цифровой трансформации уголовного процесса. К их числу относятся недостатки нормативно-правового регулирования, недостаточная техническая оснащенность правоохранительных органов и судебных инстанций, недостаточный уровень цифровой компетентности части сотрудников,

а также сложности в обеспечении требуемого уровня информационной безопасности. Вместе с тем определены перспективные направления развития, включающие создание единой цифровой платформы, внедрение технологий искусственного интеллекта и дальнейшее совершенствование систем электронного документооборота.

Предложенный комплекс мер, направленных на совершенствование правового регулирования и практического применения информационных технологий, ориентирован на всестороннее решение выявленных проблемных аспектов. Данные рекомендации включают в себя внесение необходимых корректировок в действующее законодательство, создание единой защищенной цифровой платформы, организацию систематического обучения и повышения квалификации сотрудников, а также разработку соответствующих методических рекомендаций. Реализация предлагаемого комплекса мероприятий позволит значительно повысить эффективность использования информационных технологий в российском уголовном судопроизводстве и обеспечить его соответствие актуальным требованиям цифровой эпохи.

Литература

1. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Науки криминального цикла. 2019. № 5 (150).
2. Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам. М., 2019.
3. Лавнов М.А. Цифровизация уголовного судопроизводства и наднациональные стандарты построения правовой модели деятельности прокурора // Юридическая наука. Научно-практический журнал. 2020. № 11.
4. Мандрыка Ю.С., Миронова А.В. Допустимость показаний потерпевшего при проведении следственных действий с применением видео-

конференц-связи. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25.

5. Недиков В.Б. Проблемные вопросы уголовной ответственности за интернет-мошенничество: опыт России и Германии // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33.

© Мандрыка Ю.С., Миронова А.В., 2026

УДК 343.12(575.3)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ
СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

Махмадрахимзода Ф. М.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2
Академии МВД Республики Таджикистан

Стадия возбуждения уголовного дела является первой и самостоятельным этапом уголовного процесса Республики Таджикистан и служит ключевой основой (отправной точкой) для дальнейшего досудебного производства по уголовному делу.

В современной науке уголовного процесса данный вопрос является весьма сложным и дискуссионным, что требует проведения ряда научных исследований. В этой связи с целью всестороннего анализа и устранения некоторых процессуальных недостатков, а также для более полного уяснения правовой природы данного важного и фундаментального этапа уголовного судопроизводства, считаем

необходимым обозначить свои рассуждения об отдельных теоретико-прикладных проблемах указанной стадии.

Прежде всего, полагаем, необходимо дать некоторое разъяснение относительно целесообразности сохранения или, напротив, устранения стадии возбуждения уголовного дела из уголовного судопроизводства Республики Таджикистан. Это обусловлено тем, что данная стадия в различных правовых системах определенных государств отражает их сущностное различие, исходя из особенностей их уголовно-правовой и уголовно-процессуальной модели при производстве по уголовному делу.

Так, в развитых западных странах, как Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и др., распространена состязательная модель уголовного процесса. Стадия возбуждения уголовного дела не автономна в их уголовном судопроизводстве и рассматривается в этих странах как составной элемент предварительного расследования.

В указанных государствах уголовный процесс традиционно является обвинительным или же состязательным, и там отсутствует отдельная стадия возбуждения уголовного дела в привычном для романо-германского права процедуре (понимании). Уголовное преследование формально начинается с момента предъявления обвинения либо судебного ордера, а окончательное решение о возбуждении уголовного дела (уголовного преследования) осуществляет прокурор на основе предварительно собранных данных, представленных, как правило, органом полиции.

Вместе с тем большинство стран постсоветского пространства, в т. ч. Республика Таджикистан и Российская Федерация, уже давно практикуют концепцию романо-германской правовой системы, ключевые компоненты и ценности которой применяются в уголовном процессе данных государств довольно продолжительное время. Особенностью этой системы является то, что уголовный процесс в рамках его функционирования исторически носит инквизиционный или же розыскной характер, где ведущая роль отведена государству и их должностным лицам, действующим от имени и во благо

народа. В указанных странах стадия возбуждения уголовного дела является юридически и вполне состоявшимся, которая охватывает, начиная с момента регистрации преступлений и далее последующей проверки информации о событиях совершения преступления вплоть до вынесения компетентным лицом решения о возбуждении уголовного дела (отказе в возбуждении дела или направлении материалов по подследственности или подсудности), а равно инициирования официального уголовного преследования.

Заметим, что сохранение стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Республики Таджикистан традиционно имеет важное значение для правильного и объективного разрешения уголовно-правового спора, поскольку своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела в дальнейшем существенно отражается на следственную деятельность органов уголовного преследования. В частности:

1. В ходе подготовительно-проверочной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела создаются необходимые условия для дальнейшего ведения уголовного дела (установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и на этой основе принятие обоснованного решения о возбуждении уголовного дела).

2. Стадия возбуждения уголовного дела выполняет функцию своеобразного уголовно-процессуального «фильтра» отсеивая данные, которые не содержат сведений о преступлении.

3. Проведение следственных действий допускается, как правило, только после возбуждения уголовного дела. Именно поэтому эта стадия выступает гарантом пресечения случаев произвола и злоупотребления полномочиями со стороны государственных органов и их должностных лиц.

4. Законное и обоснованное возбуждение уголовного дела направлено на защиту благ и интересов физических и юридических лиц, общества и государства, пострадавших от преступления, а также на быстрое и полное раскрытие преступления с целью привлечения к уголовной ответственности конкретного лица, его совершившего [5].

Кроме того, при необоснованном возбуждении уголовного дела возникает вероятность уголовного преследования невиновного лица. А необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, в свою очередь, формирует у лиц, совершивших преступление, чувство безнаказанности.

Именно эти аспекты вопроса, как нам представляется, определяют необходимость существования стадии возбуждения уголовного дела в таджикском уголовном процессе. Поэтому важно стремиться не только к сохранению указанной стадии в уголовном судопроизводстве, но и принять эффективные меры для дальнейшего ее развития с учетом современных требований и воззрений уголовно-процессуальной доктрины.

Другой вопрос, который вызывает разногласия среди ученых, – это вопрос о понятии самой стадии возбуждения уголовного дела. Следует отметить, что единого определения этой стадии в отечественной и зарубежной юридической литературе нет. Хотя в литературе приводятся различные определения данной стадии. Однако есть некоторые сходства, которые совпадают по общим признакам относительно упомянутого определения, используемых в теории уголовно-процессуального права.

Например, стадию возбуждения уголовного дела характеризуют в качестве начального этапа уголовного процесса, которая начинается с момента поступления информации о преступлении и ее регистрации в компетентных правоохранительных органах и оканчивается вынесением конкретного решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

В этом контексте, по мнению российского ученого Масленниковой Л.Н., стадия возбуждения уголовного дела представляет собой правовой институт, охватывающих комплекс уголовно-процессуальных норм, регламентирующие правовые отношения, возникающих в результате приема, регистрации, рассмотрения и разрешения информации о преступлении» [3].

Другой ученый, В.А. Шиплюк, считает, что возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного процесса и служит основой для всех последующих ее этапов, включая предварительное расследование и судебное разбирательство [4].

В этой связи полагаем, что для установления полноты картины рассматриваемой дефиниции необходимо проанализировать и такие важные компоненты применительно этой стадии, как «повод» и «основания» для возбуждения уголовного дела, без наличия которых возбудить уголовное дело на законных условиях не представляется возможным.

Из анализа гл. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) усматривается, что название главы представлена как «Повод и основания к возбуждению уголовного дела», хотя словосочетания этой главы можно было изложить в более корректной форме и редакции. Например, заменить слова «к возбуждению уголовного дела» на слова «для возбуждения уголовного дела». Вместе с тем название ст. 140 УПК РТ несколько различается от названия гл. 17 УПК и изложено как «Основания и поводы к возбуждению уголовного дела». Одновременно норма ч. 1 ст. 140 УПК раскрывает понятие основания так: «Основанием к возбуждению уголовного дела служат достаточные данные, свидетельствующие о наличии признаков состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Республики Таджикистан» [1]. Полагаем, букву «к» нужно заменить на слово «для». Диспозиция ч. 2 ст. 140 УПК РТ предусматривает поводы для возбуждения уголовного дела.

В этой связи, если рассматривать значения слов «повод» и «основание» с точки зрения толкового словаря таджикского языка, то слово «повод» имеет следующий смысл (значение):

- причина, быть причиной чего-либо;
- повод, по причине того что;
- способствовать, что-либо вызвать;

- средство, с помощью этого средства; таким образом;
- оправдание, указать причину, стать причиной чего-либо и т. п.;
- фактор, фактор наступления чего-либо, причина происходящего.

В свою очередь, изречение «основание» подразумевает следующее:

- основа, фундамент, база, учреждение, корень – т. е. закладывать основу, создавать фундамент, на основании..., создать почву, восстанавливаться и т. п.;
- совокупность законов и правил;
- доказательство, т. е. иметь основание, иметь доказательство, учитывать что-либо, опираться на доказательство [4].

Из вышеперечисленного следует, что повод и основание представляют собой взаимосвязанное явление, при котором одно событие вызывает другое. Иными словами, сначала возникает повод, а затем основание, чтобы действие или событие приняли определенную форму и привели к своему конечному результату.

Повод рассматривается как средство (продукт) получения информации из различных источников, независимо от формы деятельности.

Основание же включает ту информацию или сведения, которые привлекают внимание органов уголовного преследования к наличию признаков преступления.

В ретроспективном аспекте и при сравнительно-правовом анализе ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Таджикской Советской Социалистической Республики (далее – ТССР) 1961 г. следует, что текст гл. 9 под названием «Возбуждение уголовного дела» включало в себя ст. 103 УПК ТССР «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела», что было целесообразно и с точки зрения соблюдения юридической техники [2].

Из системного анализа гл. 17 ст. 140 УПК РТ по сравнению с гл. 9 ст. 103 ТССР можно сделать вывод, что гл. 17 УПК РТ и ст. 140 УПК РТ представляются сложными для понимания и толкования. Поэтому было бы

целесообразно внести в гл. 17 и ст. 140 УПК РТ ряд изменений и дополнений.

По нашему мнению, когда речь идет о поводе и основании для возбуждения уголовного дела, их понятия обязательно должны быть в тексте закона изложены по отдельности, в общедоступной, логичной и структурированной форме. В связи с этим рационально, чтобы гл. 17 УПК РТ, озаглавленная как «Повод и основания к возбуждению уголовного дела» была переименована на «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела».

Еще один вопрос, который после предложенных изменений остается дискуссионным, – это название ст. 140 УПК РТ «Основания и поводы к возбуждению уголовного дела». Прежде чем мы выделим поводы в отдельную часть, необходимо закрепить их место в названии статьи, чтобы читатель мог полностью понять смысл. В связи с этим, опираясь на вышеизложенное и с учетом истории законодательства страны (ст. 103 УПК ТССР, которая называлась «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела») желательно заменить название ст. 140 УПК РТ со словами «Основания и поводы к возбуждению уголовного дела» на «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела». Также считаем уместным, чтобы ст. 140 УПК РТ была разделена на три части следующего содержания:

- в первой части необходимо дать понятие «повода» для возбуждения уголовного дела;
- во второй части, изложить перечень «поводов» для возбуждения уголовного дела;
- в третьей же части рационально описать про понятие «основания» для возбуждения уголовного дела.

Также первое слово «основание» в ч. 1 ст. 144 УПК РТ следует заменить на слово «повод» поскольку «информация в средствах массовой информации, включая сеть Интернет», является не основанием, а поводом для возбуждения уголовного дела.

На основании проведенного исследования мы предлагаем свое процессуальное видение для внесения некоторых изменений и дополнений в УПК РТ, в том числе:

- главу 17 изложить в новой редакции как «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела»;
- новое название ст. 140 УПК РТ и ее самостоятельные части изложить в следующей редакции «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела».

1. Под поводом для возбуждения уголовного дела понимается источник информации о факте совершенного или совершающего (незавершенного) преступления, на основе которого орган уголовного преследования получает сведения об обстоятельствах совершения преступления и принимает соответствующие меры для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

2. Поводами для возбуждения уголовного дела являются:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;
- информация от должностного лица предприятия, учреждения или организации;
- сведения в средствах массовой информации, включая интернет;
- непосредственное получение следователем, дознавателем или прокурором информации, указывающей на признаки преступления.

3. Основанием для возбуждения уголовного дела являются наличие достаточных данных, в которых усматриваются признаки состава преступления, предусмотренных в особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела – это не просто первоначальный этап уголовного процесса, но также важный механизм обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Этот этап включает в себя совокупность процессуальных действий и решений государственных

должностных лиц, направленных на установление наличия или отсутствия поводов и оснований для начала официального уголовного преследования. Он выполняет функцию процессуального «фильтра» отделяя случаи, требующие уголовно-правового вмешательства, от ситуаций, которые не подпадают под признаки преступления.

Соответственно, названная стадия является средством реализации публичного интереса государства в борьбе с преступностью. И, с другой стороны, этот процесс должен гарантировать соблюдение прав граждан, предотвращая незаконное и необоснованное привлечение к уголовной ответственности. Однако имеющиеся проблемы, такие как неопределенность правовых оснований для возбуждения дела и отсутствие гарантий на стадии последственной проверки, требуют комплексного научного и правового анализа для их решения.

Оптимизация правового регулирования и практики его применения в этой сфере должна быть направлена на укрепление законности и обеспечения рационального баланса между государственными интересами и благами граждан, а также на повышение уровня доверия общества к институтам и механизмам справедливого и эффективного правосудия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 № 564 // Ведомости Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12 (1409). Ст. 816.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР от 17.08.1961 // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1961. № 24. Ст. 126.
3. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
4. Толковый словарь таджикского языка. Душанбе, 2006.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М, 2011.

6. Валласк Е.В., Григорьева М.А., Данилова Н.А. Возбуждение уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. СПб., 2011.

© Махмарахимзода Ф.М., 2026

УДК 316.4

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К «ЦИФРОВОМУ ГОСУДАРСТВУ»

Мирошниченко А.Ю.

Доцент кафедры гражданского права
Донского государственного технического университета
кандидат педагогических наук, доцент

На современном этапе развития российской правовой системы все большее значение приобретает процесс цифровизации социального обеспечения.

Цифровизация социального обеспечения – это комплексный процесс внедрения цифровых технологий в сферу предоставления социальных услуг, направленный на повышение адресности, эффективности и прозрачности системы поддержки граждан. Ее ключевые цели включают оптимизацию административных процедур, сокращение сроков оказания помощи, минимизацию необходимости представления бумажных документов за счет межведомственного взаимодействия, а также создание единой цифровой экосистемы, способной оперативно адаптироваться к меняющимся потребностям общества. Этот переход является не просто техническим обновлением, а фундаментальной трансформацией принципов функционирования социального государства в условиях «Экономики данных».

С 2025 г. в России стартует новая национальная программа «Экономика данных», призванная сменить завершающийся в 2024 г. проект «Цифровая экономика РФ». Согласно поручению Президента Российской Федерации от 30 марта 2024 г. № Пр-616, цель новой программы – перевод всей экономики, социальной сферы и органов власти на качественно новый уровень управления [12]. В рамках этой стратегии особое внимание уделяется цифровой трансформации социального обеспечения, включая автоматизацию назначения пособий, интеграцию государственных информационных систем (ЕПГУ, ЕГИССО, ПФР, ФСС) и переход к проактивному (беззаявительному) принципу оказания социальных услуг [12].

Одним из наиболее успешных примеров цифровизации в России является развитие Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ). Доступный по адресу gosuslugi.ru, он предоставляет гражданам возможность круглосуточно и из любого места получать широкий спектр услуг: от записи к врачу и регистрации ребенка до оформления пенсий и подачи заявления на пособие. Преимущества портала очевидны: отсутствие очередей, экономия времени, встроенная система оплаты госпошлин и высокий уровень прозрачности процесса. По данным Минздрава, в 2022 г. через этот портал было оформлено около 27 миллионов обращений за назначением пособий, что свидетельствует о его массовом востребовании и значительном вкладе в повышение доступности социальной защиты.

Одним из ключевых инструментов цифровизации социального обеспечения в России стал переход к беззаявительному принципу назначения ряда мер поддержки. Согласно Постановлению Правительства РФ от 28.07.2021 № 1250, органы социальной защиты обязаны самостоятельно выявлять граждан, имеющих право на пособия, на основе межведомственного взаимодействия и обмена данными через Единую государственную информационную систему социального обеспечения

(ЕГИССО) [6]. Такой подход снижает административные барьеры, однако ставит под сомнение принцип информированного согласия, поскольку граждане могут не осознавать, какие именно данные о них используются и с какой целью.

Для дальнейшей систематизации и унификации процессов в 2023 г. была запущена новая государственная информационная система – «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (ЕЦЦПСФ). Эта платформа призвана объединить деятельность ключевых игроков системы социальной защиты: Министерства труда и социальной защиты РФ, Пенсионного фонда, Фонда социального страхования и учреждений медико-социальной экспертизы. Ее основная цель – полная автоматизация всех процессов предоставления мер социальной поддержки – от начисления пособий до организации социального обслуживания. Переход на такую единую платформу должен устранить разрозненность существующих баз данных и создать предпосылки для создания настоящего «Социального казначейства» где все выплаты будут координироваться централизованно.

В условиях автоматизированного принятия решений возрастает роль алгоритмической прозрачности. Отсутствие открытых критериев оценки нуждаемости или четко прописанных логических цепочек в программном коде может привести к дискриминационным последствиям. Например, если алгоритм не учитывает региональные особенности стоимости жизни или специфику неформальной занятости, это может повлечь систематические ошибки в определении уровня дохода семьи и, как следствие, неправомерные отказы в социальной поддержке [7, с. 58].

Особую озабоченность вызывает отсутствие эффективных механизмов обжалования решений, вынесенных автоматизированными системами. В отличие от традиционного административного акта, решение, сгенерированное алгоритмом, часто не содержит мотивировочной части, что затрудняет реализацию права на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Конституции РФ. В этой связи необходимо законодательно закрепить

обязанность государственных органов предоставлять гражданам разъяснение логики принятого решения, включая перечень учтенных и неучтенных факторов [4, с. 79].

Цифровизация социального обеспечения также требует пересмотра роли должностных лиц. Если ранее социальный работник выступал в качестве посредника между государством и гражданином, анализируя жизненную ситуацию и оказывая консультационную поддержку, то в условиях автоматизации его функции сводятся к техническому сопровождению процесса. Это может привести к обезличиванию социальной помощи и утрате гуманистического измерения системы социального обеспечения, что противоречит принципам социального государства, закрепленным в ст. 7 Конституции РФ [4, с. 80].

Важным аспектом является и международный опыт цифровизации социальных услуг. Например, в Эстонии, признанной одним из лидеров цифрового государства, граждане могут в любой момент отследить какие государственные органы и когда обращались к их персональным данным. Такая модель обеспечивает высокий уровень доверия к системе и может быть адаптирована в российских условиях с учетом национального правового контекста и уровня цифровой зрелости населения [9, с. 42].

Кроме того, следует учитывать психологический барьер, связанный с недоверием граждан к цифровым сервисам. Многочисленные случаи утечек персональных данных, в том числе инцидент февраля 2024 г., когда Роскомнадзор сообщил об утечке базы с 500 млн записей о россиянах, подрывают уверенность населения в безопасности государственных платформ. Для преодоления этого барьера необходимы не только технические меры защиты, но и просветительская работа, направленная на формирование цифровой культуры и правовой грамотности [11, с. 26; 12].

Хотя программа «Экономика данных» предусматривает обеспечение высокоскоростным интернетом 97% домохозяйств к 2030 г. Проблема цифрового неравенства остается гораздо более глубокой, чем просто доступ

к сети. Значительная часть населения, особенно в сельской местности, среди пенсионеров и людей с ограниченными возможностями здоровья сталкивается с серьезным дефицитом цифровой грамотности. Недостаток понимания механизмов работы порталов, опасения по поводу безопасности личных данных и сложности прохождения процедуры цифровой идентификации создают мощные барьеры. Таким образом, даже наличие технической возможности не гарантирует фактический доступ к услугам, что может привести к тому, что самые уязвимые группы окажутся вне системы поддержки именно в эпоху ее максимальной «доступности».

Немаловажным является и вопрос финансовой устойчивости цифровой инфраструктуры. Поддержание и развитие таких систем, как ЕГИССО или Портал государственных услуг, требует значительных бюджетных вложений. В рамках программы «Экономика данных» на 2025–2030 гг. предусмотрено финансирование в размере не менее 700 млрд рублей из федерального бюджета [12]. При этом важно избегать дублирования функций между различными ведомствами и обеспечить единые стандарты взаимодействия информационных систем, что позволит снизить издержки и повысить качество предоставляемых услуг [5, с. 130].

Цифровизация социального обеспечения не только требует значительных инвестиций, но и способна принести существенную экономическую отдачу. Переход на электронные услуги напрямую снижает административные издержки государства, связанные с содержанием офисов, обработкой бумажных документов и ручным трудом сотрудников. Кроме того, автоматизация позволяет более эффективно использовать бюджетные средства за счет повышения адресности, минимизации случаев двойного начисления или выплат тем, кто утратил право на поддержку. Таким образом, долгосрочная цель цифровизации заключается не только в повышении удобства для граждан, но и в формировании более экономически устойчивой и рациональной модели социального государства.

В контексте пандемии и последующих социально-экономических кризисов цифровизация продемонстрировала свою высокую адаптивность: возможность оперативно назначать экстренные выплаты без личного обращения граждан стала важным преимуществом. Однако это также выявило зависимость от качества данных, содержащихся в государственных реестрах. Недостоверная или устаревшая информация может привести к тому, что помощь не дойдет до тех, кто в ней действительно нуждается [8, с. 92].

Следует также обратить внимание на правовой статус искусственного интеллекта в сфере социального обеспечения. На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует четкое регулирование использования искусственного интеллекта (ИИ) в публичной сфере. Это создает правовую неопределенность: неясно, кто несет ответственность за ошибки, допущенные алгоритмом: разработчик, оператор системы или государственный орган, принявший решение на основе автоматизированного вывода [10, с. 37]. В рамках программы «Экономика данных» планируется, что к 2030 г. 95 % приоритетных отраслей, включая социальную сферу, будут обладать высоким индексом готовности к внедрению ИИ-технологий, что делает правовое регулирование особенно актуальным [12].

Второй значимый вызов – цифровое неравенство. Пожилые граждане, лица с ограниченными возможностями здоровья, жители удаленных регионов зачастую не обладают необходимыми цифровыми компетенциями или техническими средствами для доступа к электронным сервисам. В рамках новой программы запланировано обеспечение качественного высокоскоростного доступа к Интернету для 97 % домохозяйств к 2030 г., включая сельские и малонаселенные пункты [12]. Тем не менее без параллельного развития цифровой грамотности и сохранения офлайн-каналов доступа к услугам риск социального отчуждения уязвимых групп остается высоким [11, с. 24].

Еще одной серьезной правовой проблемой, возникающей в рамках цифровизации, является отсутствие четко прописанного механизма ответственности за ошибки автоматизированных систем. Современное законодательство не решает вопрос о том, кто должен нести ответственность – разработчик алгоритма, оператор информационной системы или сам государственный орган, принявший решение на основе машинного вывода. Кроме того, контрольная функция распределена между несколькими участниками (ПФР, Минтруд, ФБ МСЭ), что может привести к дублированию обязанностей и снижению эффективности надзора. Отсутствие единого независимого органа, отвечающего за мониторинг расходов, безопасность данных и защиту прав граждан в случае сбоев системы, создает риски злоупотреблений и снижает доверие к самой идее «цифрового государства».

Для минимизации указанных рисков необходимо:

- 1) совершенствовать нормативно-правовую базу, включая введение четких требований к алгоритмам принятия решений в социальной сфере и механизмов их проверки;
- 2) обеспечить «цифровую инклюзивность» – сохранять возможность получения социальных услуг в традиционной (офлайн) форме, развивать сеть многофункциональных центров (МФЦ) и обучать граждан цифровой грамотности [11, с. 27];
- 3) укреплять защиту персональных данных, в том числе за счет независимого аудита государственных информационных систем и повышения ответственности за утечки данных [2, с. 16];
- 4) развивать институты правовой защиты, включая упрощенные процедуры обжалования решений, принятых на основе автоматизированных систем [4, с. 81].

Таким образом, цифровизация социального обеспечения открывает значительные возможности для повышения эффективности и прозрачности системы, однако ее реализация должна осуществляться с учетом

фундаментальных принципов права: справедливости, доступности и уважения человеческого достоинства. Только при соблюдении этих условий «цифровое государство» формируемое в рамках национальной программы «Экономика данных», сможет стать действительно социальным.

В перспективе цифровизация должна привести к созданию полноценной системы «Социального казначейства», которая станет логическим завершением процесса трансформации. Эта концепция предполагает централизованное управление всеми средствами социальной поддержки через единую цифровую платформу, где все федеральные, региональные и муниципальные выплаты будут координироваться из одного центра. Гражданин сможет видеть весь спектр положенных ему мер, их статус и историю начислений в одном личном кабинете. Такая система повысит не только прозрачность, но и гибкость реагирования государства на кризисы, позволяя оперативно запускать новые программы поддержки и мгновенно их финансировать. Реализация этого проекта, задекларированного в Концепции цифровой трансформации до 2025 г., потребует не только технологических решений, но и глубоких изменений в законодательстве и межбюджетных отношениях между уровнями власти.

Литература

1. Козлова Е.В. Цифровая трансформация системы социального обеспечения в России: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4.

2. Михайлов С.А. Правовые аспекты обработки персональных данных в системе социального обеспечения // Журнал российского права. 2022. № 11.

3. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Петров Д.А. Социальное обеспечение в эпоху цифровых технологий: между эффективностью и правами человека // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2.

5. Бульдяева К.А. Тенденции цифровизации социального обеспечения в Российской Федерации // Молодой ученый. 2025. № 1 (552).

6. Об утверждении Правил назначения и выплаты пособий гражданам, имеющим детей, в беззаявительном порядке: Постановление Правительства РФ от 28.07.2021 № 1250 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107280025> (дата обращения: 03.10.2025).

7. Зайцева Т.Н. Алгоритмическое управление в социальной сфере: правовые и этические вызовы // Государство и право. 2023. № 9.

8. Иванова А.С. Цифровое государство и право на социальное обеспечение: проблемы реализации // Российский юридический журнал. 2024. № 1.

9. European Commission. Digital Social Security: Best Practices from EU Member States [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1223&langId=en&furtherProjects=yes> (дата обращения: 03.10.2025).

10. Соловьев А.В. Искусственный интеллект в публичной администрации: правовые риски и пути регулирования // Административное право и процесс. 2023. № 6.

11. Гришина Н.В. Цифровая инклюзия как условие реализации социальных прав // Социальное право. 2024. № 3.

12. Новая национальная программа «Экономика данных» // Агентство РСТ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rctest.ru/articles/novaya-natsionalnaya-programma-ekonomika-dannykh.html> (дата обращения: 03.10.2025).

**ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ**

Осипова И.А.

Старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала Российского университета правосудия
имени В.М. Лебедева

Попандопуло Д.В.

Доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала Российского университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен алгоритм действия правоохранительных органов в случае возникновения острой необходимости фиксации установленных обстоятельств при раскрытии преступления и невозможности в силу различных причин соблюдения правил подследственности. Широкая практика применения положений, регламентирующих вопросы производства неотложных следственных действий органом дознания, не в полной мере разрешает возникающие в практической деятельности вопросы и разночтения применения данных норм.

Согласно п. 19 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) неотложные следственные действия – это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования [1].

Как следует из данного определения, основной целью существования этого процессуального института является забота законодателя о раскрытии и расследовании преступления, предотвращении возможной утраты доказательств, а также ухода от ответственности лиц, совершивших это преступление, в ситуациях, когда факт преступления установлен органом дознания. Указанные нормы, по сути, позволяют проявить «процессуальную экономию» для быстроты реагирования.

В настоящее время практика производства неотложных следственных действий неоднородна.

В УПК РСФСР от 27.10.1960 ч. 1 ст. 119 гласила: «При наличии признаков преступления, по которым производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей». То есть приводился конкретный перечень тех следственных действий, которые мог произвести орган дознания неотложно.

В соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ, при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия. Но действующий уголовно-процессуальный закон не содержит четкого перечня следственных действий, которые относятся к неотложным, и анализ практики применения норм закона, регламентирующих производство неотложных следственных действий, позволяет сделать вывод о неоднозначном их толковании. Большинство правоприменителей исходит из того же перечня следственных действий, которые указывал как возможные неотложные предшествовавший УПК. Однако имеют место и случаи обращения в суд с ходатайством об избрании меры пресечения

в виде содержания под стражей. Такие случаи единичны, но в связи с отсутствием прямого запрета время от времени допускаются.

Разнородность практики проявляется также в самом понимании обоснованности и необходимости возбуждения уголовных дел вне правил подследственности органами дознания и производства ими неотложных следственных действий. В связи с имеющимися в законе формулировками на территории Российской Федерации правоприменители по-разному оценивают целесообразность возбуждения уголовных дел в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 157 УПК РФ.

В ряде случаев необходимость закрепления факта выявления и раскрытия органом дознания преступления, не относящегося к его подследственности. Понимается буквально, исходя из принципа: орган дознания обнаружил факт преступления и с целью максимально оперативной реакции совершает необходимые процессуальные и следственные действия. Такой подход, например, ранее был наработан многолетней практикой борьбы с хищениями социалистической собственности и с экономическими преступлениями.

Вместе с тем ряд правоприменителей полагают, что такая схема работы органа дознания возможна только в случае недоступности органов следствия территориально и технически. Во всех остальных случаях необходимо применять общий порядок возбуждения и расследования уголовных дел с применением правил подследственности. Территория страны обширна, и существуют местности, где единственным представителем правоохранительных органов является представитель органа дознания, и в таких случаях применение «экстренных» процессуальных мер, с их точки зрения, допустимо. Однако даже здесь отмечается слабое место такого порядка. То, ради чего этот механизм и создавался, – невозможность привлечь к осуществлению процессуальной деятельности следователя – является источником проблемы: бесконтрольность представителя органа дознания, который в какой-нибудь отдаленной сельской местности

одновременно осуществляет и процессуальные, и оперативно-розыскные, и административно-властные функции [3, с. 102].

Другие же полагают, что законодатель предоставляет такую возможность органу дознания для применения во всех случаях выявления признаков преступления и позволяет продемонстрировать в полной мере свою эффективность. В связи с этим не видят препятствий для широкого использования такой возможности.

Особенно жарко такие споры разгораются вокруг специальных составов преступлений, возбуждаемых органами дознания, наделенных специальными задачами (п.п. 2, 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ). Возбуждение уголовных дел и производство неотложных следственных действий органами дознания, предусмотренными п.п. 4, 5, 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, как правило, обусловлено условиями изолированности, территориальной отдаленности и т. п. факторами, что делает их работу по установлению и фиксации неотложным образом обстоятельств выявленного преступления обоснованными с точки зрения всех органов расследования.

Возбуждение же уголовных дел и производство неотложных следственных действия органами дознания ФСБ России и таможенных органов в большинстве случаев продиктовано особенностями их деятельности, что нашло отражение и в составах преступлений, по которым указанные действия возможны.

Так, к примеру, согласно данным отчета формы 2Е «Сведения о рассмотрении сообщений о преступлениях» дознавателями таможенных органов в 2024 г. в России возбуждено 808 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и 166 – ст. 229.1 УК РФ [2]. Примерно на том же уровне эти показатели находились и в 2023 г. (757 – ст. 226.1 УК РФ, 157 – 229.1 УК РФ), и в 2022 г. (731 – 226.1 УК РФ, 164 – 229.1 УК РФ). Изучая указанную статистику, очевидно, что это результат скорее борьбы за показатели, чем обусловленная процессуальной необходимостью данность.

Поскольку орган дознания передает эти уголовные дела после окончания неотложных следственных действий, прокурору для определения их подследственности, представляется возможность оценить качество и обоснованность производства следственных действий в течение отведенных законом 10 дней. Исходя из собственного практического опыта работы в правоохранительных органах, следует отметить, что целая совокупность проблем возникает по таким уголовным делам в ходе дальнейшего расследования.

Проблема первая, которая сразу становится очевидной, – невозможность исправить допущенные нарушения именно органом дознания в связи с истечением срока, отведенного для неотложных следственных действий, и невозможностью его продления или возобновления. Безусловно, у прокурора имеются полномочия при передаче по подследственности: указать органу предварительного следствия произвести необходимые конкретные следственные и процессуальные действия (в виде внесения требования) для устранения допущенных дознанием нарушений или недоработок. Но вспомним о той же борьбе за показатели. При этом складывается ситуация, когда орган предварительного следствия получает заведомо проблемное уголовное дело с имеющимися в нем нарушениями, а также акт прокурорского реагирования о нарушениях, адресованный руководителю следственного органа. Что не может не вызвать негативную реакцию. Конечно, указать на недостатки в работе органу дознания полномочия у прокурора также имеются. Но вся эта ситуация не способствует реализации идеи законодателя о быстрой и максимальной эффективности в работе правоохранительных органов, направленной на раскрытие преступления и фиксацию доказательств.

Проблема вторая кроется в специфике составов преступлений, по которым соответствующим органам дознания в случае выявления ими предоставлено право возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия. Специальные составы преступления (например,

указанные выше статьи 226.1, 229.1 УК РФ) предполагают особую методику расследования, которой зачастую владеют в условиях тотального дефицита кадров далеко не все следователи. По этой причине, а также по причине недостаточно качественно проведенных неотложных следственных действий указанные уголовные дела просто «рассыпаются» оказываясь в следственных органах. При этом оба органа предварительного расследования обмениваются взаимными упреками, обвинениями и жалобами в поверхностном отношении к своим обязанностям. В связи с этим получается, что недостаточно проработанный порядок взаимодействия органов расследования негативно влияет на достижение целей уголовного судопроизводства в целом.

Применительно к обоснованности и законности использования возможности производства неотложных следственных действий существует еще одно противоречие в нормах закона.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 152 УПК РФ неотложные следственные действия может производить и следователь. Что противоречит определению неотложных следственных действий, данных в п. 19 ст. 5 УПК РФ.

Таким образом, в настоящее время понятие указанных следственных действий, их перечень и порядок проведения не конкретизированы уголовно-процессуальным законодательством, что порождает отсутствие единой практики правоприменения, создает поле для злоупотреблений, противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Во избежание такой правовой неопределенности является целесообразным внести изменения в закон, позволяющие конкретизировать понятие неотложных следственных действий, случаи их применения, а также порядок производства. Кроме того, полагаем, необходимо внести изменения в порядок возбуждения и расследования упомянутых специальных составов преступлений: либо поручить их расследование специальным органам правоохранительной системы с начала и до конца,

либо устранить практику возбуждения их в порядке неотложности и дальнейшей передачи в органы следствия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25. Ст. 2954.

3. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М., 2025.

© Осипова И.А., Попандопуло Д.В., 2026

УДК 343.12:343.35:355

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПРИ НАЛИЧИИ КОНТРАКТА О ПРОХОЖДЕНИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКЛЮЧЕННОГО ПОДОЗРЕВАЕМОМ ИЛИ ОБВИНЯЕМОМ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Попова А.В.

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ вводит дополнительные основания для приостановления производства по уголовному делу и для отмены меры пресечения, а также для освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и погашения судимости. Эти основания применяются к подозреваемым и обвиняемым на стадии

предварительного расследования, а также к осужденным, отбывающим наказание в случае их призыва на военную службу, заключения или исполнения контракта о прохождении военной службы либо прохождения службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в периоды мобилизации, военного положения или военного времени [1].

Внесенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации касаются правил приостановления и прекращения производства по делам на этапе предварительного расследования и в суде в связи с призывом на военную службу, прохождением военной службы или заключением контракта о ее прохождении. Законодательством регламентированы конкретные условия и порядок для приостановления производства по уголовному делу и возможность его прекращения в отношении лиц, чья уголовная процессуальная судьба оказалась затронута мобилизацией, учетом необходимости прохождения воинской службы или заключением контракта военного времени.

Суть поправок состоит в том, что следователь с согласия руководителя следственного органа либо дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, по делу которого производство было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в рамках информации о призыве на военную службу в период мобилизации военного времени либо заключении контракта на военную службу на период мобилизации военного положения или военного времени. В таком же порядке допускается прекращение дела в отношении лица, которое совершило преступление в период прохождения службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации и является объектом приостановления по ходатайству командования. Важно: поправки не затрагивают ряд категорий преступлений, включая преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, отдельные составы по общественной безопасности, основам конституционного строя, безопасности

государства, мира и безопасности человечества, а также прочие преступления, перечисленные в части первой статьи 78.1 УК РФ.

Суть внесенных в законодательство изменений состоит в том, что контракт о прохождении военной службы может заключаться не только с лицами, имеющими судимость, отбывавшими наказание в виде лишения свободы (когда ее снятие или погашение не требуется), но и с отдельными категориями обвиняемых, находящимися на стадии предварительного расследования, а также в судебном производстве, когда уголовное дело направлено судом по существу и находится в производстве суда первой инстанции или апелляционной инстанции. Такой подход не считается «революционным», но представляет собой развитие ранее действовавшей концепции, согласно которой лица, совершившие определенные деяния, могут быть призваны на службу в период мобилизации или военного времени или заключить контракт на прохождение военной службы. Ранее контракт мог быть заключен на стадии предварительного расследования; теперь он может заключаться на любом этапе рассмотрения дела, включая участие подсудимого в процессе.

Начиная с 2024 г. одним из приоритетных направлений ГСУ Ростовской области и подчиненных территориальных следственных подразделений является работа по оказанию содействия Министерству обороны РФ по комплектованию Вооруженных сил России отдельными категориями граждан.

Создана рабочая группа, в которую входят представители заинтересованных служб ГУ МВД России по Ростовской области. Ежеквартально при заместителе полномочного представителя Президента, а также ежемесячно в Правительстве Ростовской области проводятся рабочие встречи представителей органов предварительного следствия, МВД, областного военного комиссариата, пунктов отбора и иных заинтересованных ведомств, где обсуждаются актуальные вопросы

и проблемы комплектования Вооруженных сил России лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, которые положительно разрешаются в ходе совещаний. Вместе с тем все присутствующие нацелены на незамедлительное разрешение возникающих проблем, не дожидаясь их обсуждения на указанных рабочих встречах.

Механизм процедур приостановления и прекращения установлен совместно в приказе № 213дсп/54дсп/303/184дсп/255дсп/136/ДСП/355-ДСП/360дсп от 11 апреля 2024 г. Этот документ подписан ведомствами ключевых структур: Следственным комитетом, Генеральной прокуратурой, МЧС, ФСБ, судебными приставами и Минобороны. В рамках этого механизма следователи и дознаватели должны разъяснять подозреваемым и обвиняемым в возрасте 18–65 лет право заключить контракт с Минобороны и получить освобождение от уголовного преследования в законодательно закрепленных пределах. Запросы на рассмотрение таких кандидатов направляются в военкоматы по месту расположения территориальных органов без задержек. Параллельно сотрудникам полиции предписано систематически вести учет и аккумулировать материалы по набору рекрутов, передавая их руководству по первому требованию. Для контроля мобилизации вокруг фигурантов уголовных дел предусматривается составление списков с указанием инкриминируемых деяний и назначения ответственных за направление работы, а также ежемесячный анализ эффективности взаимодействия с военкоматами и оперативное решение возникающих вопросов.

Схема применения механизма такова: после возбуждения дела подозреваемому или обвиняемому практически сразу предлагают альтернативу уголовного преследования в виде службы в армии. При согласии лица соответствующая информация направляется в ближайший военкомат. Ключевые условия – возраст и физическое состояние. При отсутствии возражений военный комиссариат заключает

контракт, после чего уголовное преследование по ходатайству военных приостанавливается, а в дальнейшем прекращается окончательно, если преступление совершено в соучастии, после награждения, завершения СВО или утраты здоровья/жизни.

Особая роль призыва и контракта проявляется и в вопросах отбора лиц, находящихся в следственных изоляторах. Подследственные, находящиеся под стражей, обычно подбираются внутри учреждений. Доступ к ним обеспечивают руководители пенитенциарной системы по ходатайству следователя или дознавателя. При соответствующей подгонке под военную службу следователь выносит постановление об освобождении, и в день освобождения гражданин направляется на мобилизацию и дальнейшем надзоре военкомата, после чего заключает контракт. По итогам процедура завершается заключением контракта, и гражданин может быть направлен на службу в конкретной части.

Приведенная процедура призыва лиц, находящихся под домашним арестом, под залогом или с запретом определенных действий, остается аналогичной обычной практике граждан, для которых уголовное преследование не осуществляется. Однако здесь задействованы надзорные органы ФСИН, полиция и прокуратура в роли контролирующих инстанций [2].

Новые межведомственные инструкции для предварительного расследования устанавливают, что все переговоры с кандидатами ведутся индивидуально. Сообщается, что участие в боевых действиях не только освобождает от уголовной ответственности, но и приносит дополнительные льготы, денежное содержание и прочие преимущества, включая поддержку семей. При наличии воинского звания возможно его восстановление на службе в той же должности.

Контракты о прохождении военной службы заключаются следующими должностными лицами:

1) военным комиссаром субъекта Российской Федерации при приеме на военную службу по контракту гражданина, имеющего воинское звание офицера;

2) начальником пункта отбора на военную службу по контракту при приеме на службу гражданина без воинского звания или с воинским званием солдата, матроса, сержанта, старшины, прапорщика или мичмана;

3) командиром воинской части при приеме на службу военнослужащих, проходящих службу по призыву, а также призванных на мобилизацию.

Таким образом, не обязательно, что подозреваемые и обвиняемые обязательно отправляются на передовую. В рамках допустимых вариантов может быть реализована траектория с отклонением от активной боевой линии, если военные сочтут это целесообразным. О прекращении уголовного преследования по ходатайству информирует командир части на основании документов, после чего процессуальное решение подписывается и направляется прокурору и командованию.

С точки зрения государственной обороноспособности принятые поправки направлены на увеличение числа граждан, заключающих контракты, что подтверждается региональными решениями о материальном поощрении должностных лиц за активную агитацию и достигнутые результаты. В то же время существуют факторы, снижающие эффективность подобной политики: отказ некоторых подозреваемых и обвиняемых в заключении контрактов, распространение в СМИ данных о количестве погибших и опасение за собственную жизнь, невозможность расторгнуть контракт досрочно по инициативе гражданина, а также снижение объема дел по тяжким и особо тяжким составам в производстве следователей и дознавателей. Также существует явная проблема возмещения ущерба потерпевшим от преступлений, совершенных вышеуказанной категорией граждан. В случае если по решению суда, вынесенному в гражданском

процессе, возложена на преступившее лицо обязанность возместить материальный вред, причина которого – его противоправные действия, и при этом лицо освобождено от уголовной ответственности или наказания вследствие статуса военнослужащего, исполнение данного решения невозможно до устранения основания приостановления исполнительного производства [4].

Следовательно, до прекращения статуса военнослужащего взыскание денежных средств, связанных с этим статусом, не допускается, даже если речь идет об имуществе гражданина или организации. Такое положение, на наш взгляд, подрывает принцип справедливости по отношению к взыскателю и требует неотложной правовой корректировки.

Вышеуказанные меры являются значимыми для обороноспособности государства. В то же время следует учитывать, что право послужить Родине предоставляется не только обвиняемым, но и уже осужденным, что расширяет спектр возможностей.

Ключевые моменты данной статьи заключаются в следующем:

1. Возможность прекращения уголовного преследования по ходатайству военного командования при наличии призыва, мобилизации или заключения контракта.

2. Расширение круга лиц, которым может быть заключен контракт на военную службу на любом этапе дела, включая стадии предварительного расследования и судебного разбирательства.

3. Исключения по ряду составов и ограничение применения изменений к определенным видам преступлений.

4. Введение межведомственных инструкций и обязательств для разъяснения прав граждан, принципы индивидуального подхода к кандидатам и усиления контроля за мобилизацией.

5. Обеспечение дополнительных льгот и поддержки для заключивших контракты граждан, включая возможное восстановление воинского звания [5].

Литература

1. О внесении изменений в статью 78-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 705033-8. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Катрыч А.А. Участие прокурора в уголовном судопроизводстве, как гарантия обеспечения прав граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=73087350> (дата обращения: 20.07.2025).

3. Мандрыка Ю.С. Уголовно-процессуальный аспект проблем защиты прав и свобод человека в российской федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80268168> (дата обращения: 20.07.2025).

4. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. Глазков А.В., Щербаченко А.К. Патриотизм и стратегия устойчивого развития современного российского общества [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50416910> (дата обращения: 20.07.2025).

© Попова А.В., 2026

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Семенцова И.А.

Доцент кафедры уголовного права и процесса
Московского университета имени С.Ю. Витте
(филиал в г. Ростове-на-Дону),
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
кандидат юридических наук, доцент

Малявина А.Б.

Научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат политических наук

Начало расследования представляет собой один из ключевых этапов уголовного процесса. От его юридической обоснованности, полноты и точности зависит не только допустимость последующих доказательств, но и легитимность всего производства по делу. Особенно это актуально применительно к коррупционным преступлениям, характеризующимся высокой степенью латентности, отсутствием очевидных потерпевших, сложной доказательной базой и нередко специальным правовым статусом фигурантов. Нарушения на данной стадии способны не только дискредитировать деятельность следственных органов, но и привести к прекращению уголовного дела даже при наличии объективных признаков преступления.

Согласно ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное дело может быть возбуждено при наличии одновременно повода и основания. К поводам

законодатель относит: заявление о преступлении, явку с повинной, сообщение из иных источников, а также непосредственное обнаружение следов преступления. Однако наличие повода само по себе не означает автоматического возбуждения дела. Требуется достаточная совокупность объективных данных, свидетельствующих о наличии признаков состава преступления. На теоретическом уровне принято различать фактическое основание (установленные обстоятельства, указывающие на преступление), и правовое основание (наличие поводов, предусмотренных законом). Только при наличии обоих элементов возможно правомерное возбуждение уголовного дела [1].

На практике особую сложность представляет оценка достаточности поводов и оснований для возбуждения уголовного дела по фактам коррупции. Несмотря на то, что в соответствии с ч.2 ст.140 УПК РФ основанием может служить заявление, явка с повинной, сообщение о преступлении, а также материалы, полученные в рамках оперативно-розыскных мероприятий, далеко не всегда такие материалы дают исчерпывающее представление о наличии события преступления. Особенно это касается дел, связанных с дачей или получением взятки, где доказательства носят латентный и фрагментарный характер, а сообщение о преступлении зачастую основано на субъективной информации.

Анализ правоприменительной практики показывает, что органы предварительного расследования при решении вопроса о возбуждении дела по коррупционному составу обязаны тщательно оценить все представленные материалы на предмет их достаточности. Перед возбуждением уголовного дела следователь или дознаватель обязан не только проверить наличие формальных признаков состава преступления, но и убедиться в реальности совершения противоправных действий. Однако в реальности оценка поводов нередко происходит формально, что ведет либо к незаконному возбуждению дел, либо, напротив, к отказу при наличии достаточных оснований [2].

Типичной проблемой является формализация проверки по заявлениям граждан или СМИ. В делах о коррупции сообщения часто поступают от лиц, заинтересованных в дискредитации должностного лица, либо являются следствием конфликта интересов. Поэтому правоохранительные органы с особой осторожностью подходят к решению вопроса о возбуждении дела, требуя дополнительных подтверждений, которые могут быть получены только в ходе оперативно-розыскных мероприятий. В результате нередко складывается порочный круг: следователь не возбуждает дело, ссылаясь на отсутствие достаточных данных, а провести полноценные оперативные мероприятия невозможно без возбуждения дела. Для выхода из этой ситуации в следственной практике выработан подход, при котором на стадии до следственной проверки активно используются результаты оперативно-розыскных мероприятий, оформленные в виде рапортов об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ) что позволяет придать информации процессуальный статус.

Дополнительную проблему составляет отсутствие унифицированных критериев оценки достоверности и допустимости материалов, полученных от оперативных подразделений. Следственная и прокурорская практика неоднократно сталкивалась с ситуацией, когда возбуждение уголовного дела основывалось на недопроверенной информации, в том числе оперативных разработках, не подтвержденных другими источниками. Это приводит к последующей переквалификации, прекращению уголовного преследования, а в ряде случаев – к признанию возбуждения дела незаконным в порядке судебного контроля (ст. 125 УПК РФ). На этом основании в научной литературе обоснованно ставится вопрос о необходимости нормативного закрепления критериев достоверности и достаточности поводов для возбуждения дела, особенно в отношении преступлений, связанных с превышением полномочий, хищениями в бюджетной сфере, получением взятки и коммерческим подкупом.

Также стоит отметить, что на первоначальном этапе следователь должен решить вопрос о квалификации действий, изложенных в рапорте или заявлении. В делах о коррупции такие действия могут содержать признаки сразу нескольких составов преступлений (например, ст. 285, 286, 290 УК РФ), что требует правовой оценки и выбора приоритетной статьи. Ошибочная квалификация на этапе возбуждения способна затруднить последующую квалификацию и повлечь процессуальные последствия (например, утрату подследственности, необходимость передачи дела в другой орган).

Особенностью коррупционных преступлений является то, что их раскрытие в большинстве случаев невозможно без применения оперативно-розыскных мероприятий. Согласно Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» к таким мероприятиям относятся: контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, контроль закупки, внедрение сотрудника под прикрытием и взаимодействие с конфиденциальными источниками. Все они могут осуществляться только при наличии процессуального основания, а мероприятия, затрагивающие конституционные права граждан, требуют санкции суда (ст. 8 Закона № 144-ФЗ). Результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения требований ст. 89 УПК РФ.

На практике именно материалы оперативно-розыскных мероприятий становятся основой для возбуждения дел коррупционной направленности. Так, в резонансном деле против министра экономического развития Российской Федерации А. Улюкаева возбуждение дела стало возможным только после проведения контролируемой передачи денежных средств и фиксации этого действия с помощью видео- и аудиотехники. Суд признал материалы допустимыми доказательствами, т. к. их получение происходило на законных основаниях и с судебной санкции [3].

Процесс возбуждения уголовного дела усложняется, когда предполагаемый подозреваемый обладает специальным правовым статусом.

В соответствии с гл. 52 УПК РФ, возбуждение дела в отношении судей, депутатов, сенаторов, прокуроров, адвокатов и сотрудников Следственного комитета допускается только при наличии разрешения соответствующего органа или должностного лица. Так, согласно ст. 448 УПК РФ, возбуждение уголовного дела против депутата Государственной Думы возможно лишь с согласия нижней палаты парламента, в отношении судьи – с согласия квалификационной коллегии судей, прокурора – с разрешения Генерального прокурора Российской Федерации. Несоблюдение специального порядка влечет признание недопустимыми всех последующих следственных действий – от обысков и выемок до допросов и предъявления обвинения.

Ярким примером корректного применения этих норм является дело сенатора Рауфа Арашукова, в отношении которого уголовное преследование началось только после официального согласия Совета Федерации. Это позволило избежать процессуальных ошибок и последующего признания действий незаконными, несмотря на широкий общественный резонанс [4].

Важную роль на стадии возбуждения дела играет прокурорский надзор. Согласно ст. 37 УПК РФ, прокурор вправе затребовать материалы проверки, дать письменное указание о возбуждении или отказе в возбуждении дела, оценить допустимость и достаточность представленных доказательств. Особенно часто участие прокурора требуется в делах, связанных с должностными лицами высокого уровня или при наличии материалов, собранных в ходе негласных оперативно-розыскных мероприятий, поскольку эти ситуации требуют повышенной правовой обоснованности.

С процессуальной точки зрения возбуждение дела оформляется постановлением следователя, дознавателя или прокурора (ст. 146 УПК РФ). В документе указывается, кем и на каком основании оно вынесено, какие обстоятельства указывают на признаки преступления, с обязательной ссылкой на соответствующую статью УК РФ и перечень прилагаемых

материалов. Постановление подлежит регистрации в книге учета сообщений о преступлениях, что знаменует официальное начало уголовного преследования и запускает исчисление всех процессуальных сроков.

Судебная практика подчеркивает необходимость конкретизации фактических обстоятельств в постановлении о возбуждении уголовного дела. Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 17.06.2022 по делу № 10-7361/2022 отмечается, что ссылки лишь на общие признаки преступления без указания конкретных фактов, доказательств или времени совершения деяния, делают такое постановление необоснованным и подлежащим отмене [5]. Несмотря на то, что возбуждение дела не подлежит судебному обжалованию как самостоятельный акт, действия следователя могут быть оспорены в порядке судебного контроля по главе 16.1 УПК РФ.

В числе предложений по совершенствованию правового регулирования возбуждения дел коррупционной направленности можно выделить:

- введение обязательного письменного согласования возбуждения дел с прокурором в форме мотивированного заключения (по аналогии с делами о государственной измене);
- закрепление в УПК РФ перечня типовых оснований, достаточных для начала расследования;
- предоставление следователю права на проведение ограниченных процессуальных действий (например, допроса заявителя, осмотра документов) до возбуждения дела, как это предусмотрено в некоторых зарубежных правовых порядках;
- расширение перечня оснований для возбуждения дел на основании информации из государственных информационных систем и финансовой разведки (Росфинмониторинг).

Таким образом, правовые основания начала расследования по делам о коррупции требуют особенно тщательного соблюдения норм уголовно-

процессуального законодательства. От качества и корректности подготовки материалов, законности оперативно-розыскных мероприятий, соблюдения специальных процедур и обоснованности мотивировки постановления зависит не только судьба конкретного дела, но и легитимность всего механизма уголовного преследования в государстве.

Литература

1. Возбуждение уголовного дела: порядок, поводы и основания, сроки [Электронный ресурс]. URL: <https://zakonved.ru/ugolovnoe-pravo/vozbuzhdenie-ugolovnogo-dela.html> (дата обращения: 21.10.2025).

2. Генпрокуратура признала законными действия оперативных служб по делу Улюкаева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/537577> (дата обращения: 23.10.2025).

3. Судебная практика по коррупционным преступлениям, по взяточничеству: судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/practice/po-korrupcionnym-prestupleniya> (дата обращения: 23.10.2025).

4. Задержание в Совете Федерации: как и за что арестовали сенатора Рауфа Арашукова [Электронный ресурс]. URL: <https://regcomment.ru/regions/cherkess/> (дата обращения: 06.10.2025).

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 17.06.2022 по делу № 10-7361/2022. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

© Семенцова И.А., Малявина А.Б., 2026

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КАЧЕСТВЕ
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПО ДЕЛАМ
О КИБЕРБУЛЛИНГЕ**

Серебрянников С.В.

Преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Кибербуллинг как форма агрессии в цифровой среде в последние годы фиксируется как массовая социальная практика, затрагивающая детей и подростков. При этом часть эпизодов приобретает уголовно-правовое значение (угрозы, вымогательство, распространение сведений о частной жизни, понуждение к действиям сексуального характера, склонение к саморазрушающему поведению и др.). По данным социологического опроса ВЦИОМ (март 2025 г.), значительная доля респондентов рассматривает кибербуллинг как угрозу и допускает обращение в компетентные органы при травле ребенка [3]. На уровне подростковой среды отдельные исследования также указывают на заметную распространенность травли/буллинга и проблем в отношениях со сверстниками [4].

В то же время уголовно-процессуальная плоскость проблемы определяется как минимум тремя факторами:

1. Отсутствие в УК РФ самостоятельного состава «кибербуллинга» и, как следствие, «рассеивание» практики по разным статьям [2].

2. Рост массивов преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что увеличивает нагрузку на органы расследования и усложняет работу с цифровыми следами. В 2024 г., по

данным МВД России, 40 % преступлений совершены с использованием ИКТ, а их число выросло к 2023 г. на 13,1 % [1].

3. Специфика статуса несовершеннолетнего (психология, возрастные пороги ответственности, повышенные процессуальные гарантии и особые правила применения мер пресечения и проведения следственных действий).

Цель настоящей статьи – выделить наиболее типичные уголовно-процессуальные особенности привлечения несовершеннолетних в качестве подозреваемых/обвиняемых по делам, фактически относимым к кибербуллингу, обозначить проблемные точки доказывания и квалификации, сопоставить их с доступными статистическими данными и проиллюстрировать выводы судебной практикой по смежным составам.

Российское законодательство не содержит легального определения «кибербуллинга» как уголовно наказуемого деяния. В правоприменении под «цифровой травлей» чаще всего понимается совокупность действий (сообщения, публикации, рассылки, создание пабликов/чатов, монтаж и распространение контента), которые в зависимости от содержания и последствий могут подпадать под различные уголовные и административные составы.

Отсутствие «единого» состава порождает процессуально значимые последствия:

1. Старт расследования зависит от первичной квалификации, а она – от качества фиксации контента и заявлений (скриншоты/логи/ссылки/ID), оценки публичности и адресности, установления потерпевшего и размера вреда.

2. По разным составам различаются предмет доказывания и допустимые процессуальные «маршруты»: от дел частного обвинения/зависимых, от заявления потерпевшего до дел публичного обвинения с иным стандартом доказывания.

3. Статистический учет «кибербуллинга» оказывается фрагментарным: официальная статистика чаще оперирует либо общими показателями ИКТ-

преступности, либо отдельными составами, но не «кибербуллинг» как явлением [1].

Различные опросы и исследования дают сопоставимые оценки того, что значимая доля школьников/подростков сталкивается с травлей и агрессией в цифровой среде. Так, в публичных обзорах со ссылкой на исследование «Российские школьники: о карьере, патриотизме, буллинге и кибербезопасности» приводилась оценка порядка 19 % школьников, сообщивших о столкновении с кибербуллингом (при доминировании троллинга/оскорблений).

Отдельные данные РАО, приведенные в публикациях СМИ, также фиксируют значимую долю подростков, сталкивающихся с буллингом в целом [4].

Важно подчеркнуть: социологическая распространенность не равна уголовно-правовой. Большая часть эпизодов может не достигать порога уголовной наказуемости или разрешаться в школе/семье/комиссиях по делам несовершеннолетних, но эти данные показывают масштаб «потока», из которого формируется относительно меньшая доля уголовных дел.

Процессуальную нагрузку в части цифровых следов определяет общий фон ИКТ-преступности. По данным МВД России за 2024 г., 40 % преступлений совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а число таких деяний выросло на 13,1 % к 2023 г. [1].

Аналогичные оценки динамики и абсолютных величин приводились в сообщениях ТАСС со ссылкой на МВД (с акцентом на интернет-компонент и рост массивов).

Доступные публичные сообщения (в т. ч. со ссылкой на ведомственную статистику) указывают, что в 2024 г. расследовано порядка 26 тыс. преступлений, совершенных детьми (СКР), при этом проблема тяжких составов сохраняется [9].

Для темы кибербуллинга ключевой вывод здесь следующий: даже при общем снижении/стабилизации подростковой преступности, цифровая среда создает новые «быстрые» форматы причинения вреда, где граница между «конфликтом» и преступлением может быть пройдена за часы.

Ниже выделены особенности, которые на практике наиболее остро проявляются именно в делах с цифровыми следами и коммуникациями.

Установление точного возраста – обязательный элемент предмета доказывания. Для процессуальной практики критично, что возраст уголовной ответственности в РФ дифференцирован, а разъяснения по вопросам исчисления возраста давались в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (в частности, о том, что возраст считается достигнутым по истечении суток после дня рождения, и о подходах при установлении возраста экспертизой) [2].

В «кибербуллинговых» сюжетах это особенно важно, потому что участники школьных конфликтов могут быть 13–15 лет, и ошибка в возрасте способна полностью изменить юридическую траекторию: от уголовного преследования к мерам воспитательного воздействия/КДН и обратно.

Особенности производства по делам несовершеннолетних предполагают повышенные гарантии права на защиту (включая обязательное участие защитника по установленным законом основаниям и участие законного представителя). Практически это означает:

- необходимость раннего допуска адвоката и недопустимость «процессуальной экономии» за счет объяснений вместо допросов;
- повышенные риски признания доказательств недопустимыми при нарушении порядка получения показаний (особенно по «цифровым» делам, где признание/переписка нередко становятся центральными доказательствами).

В делах о цифровой травле допрос несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого осложняется тем, что:

– коммуникации часто носят групповой характер (чаты/паблики), а роль подростка может быть «админ/подстрекатель/исполнитель/наблюдатель»;

– подростки склонны минимизировать значимость действий («это мем», «все так делают») при этом цифровые следы объективируют систематичность;

– требуется учет возрастной психологии, участие педагога/психолога в предусмотренных законом случаях, корректное формулирование вопросов (иначе возрастает риск внушения, самооговоров и процессуальных дефектов).

С учетом цифровой природы деяний у следствия возникает соблазн «перекрыть» риск продолжения травли через жесткие меры (изоляция, запреты). Однако по делам несовершеннолетних выбор меры пресечения должен оставаться строго мотивированным и соразмерным. Практика Верховного Суда РФ традиционно ориентирует суды на недопущение необоснованного применения лишения свободы к несовершеннолетним и на приоритет воспитательных/альтернативных мер [6].

Ключевая процессуальная проблема – доказать, что конкретный несовершеннолетний:

- является владельцем/пользователем аккаунта;
- фактически размещал/отправлял сообщения;
- действовал умышленно и осознавал последствия.

Подростковая среда повышает риск «подмены субъекта»: совместное пользование устройствами, «передача аккаунта», взломы, розыгрыши.

В делах о травле контент быстро исчезает (удаление, автоудаление, закрытие чата).

Следовательно, в реальной практике значительная часть материалов «на старте» – это ориентирующая информация, требующая последующей процессуальной легализации (осмотры, запросы, экспертизы).

Наиболее конфликтные дела – когда цифровая травля связывается с тяжелыми последствиями (самоповреждение, попытка суицида, суицид). Здесь правоприменение сталкивается с повышенным стандартом доказывания причинной связи и роли виновного.

Показательна позиция Верховного Суда РФ о необходимости строгой оценки доказанности состава по делам о доведении до самоубийства: при отсутствии необходимых признаков и причинной связи приговор может быть отменен, а производство прекращено [6].

Даже если конкретное дело не «кибербуллинговое», общий вывод применим: в цифровых конфликтах многофакторность причин (семья, школа, психическое состояние, предшествующие травмы) резко осложняет доказательство того, что именно действия конкретного несовершеннолетнего стали юридически значимой причиной наступившего результата.

Повторим: «кибербуллинг» не имеет собственного состава, поэтому судебную практику целесообразно рассматривать по типовым уголовно-правовым «веткам», через которые он проявляется.

Для подростковой среды распространен сценарий: групповое давление в мессенджере, угрозы «слить» информацию/фото, требование денег или иных выгод. Следственные органы регулярно публикуют сообщения о приговорах несовершеннолетним по вымогательству (в отдельных регионах – с насилием или угрозами). Например, СУ СК России по Архангельской области и НАО сообщало о признании несовершеннолетнего виновным по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (вымогательство с применением насилия) [5]. Процессуальная специфика таких дел: наряду с перепиской требуется доказать реальность угроз и связь требований с принуждением, а также роль каждого участника группы (организатор/исполнитель) [7].

Как отмечалось выше, высшая судебная инстанция демонстрирует строгий подход к проверке состава и причинности – вплоть до отмены приговоров при недоказанности необходимых элементов [6].

В открытых банках решений судов общей юрисдикции встречаются материалы по статьям, потенциально связанным с травлей/давлением (включая ст. 110 УК РФ), однако открытая публикация не всегда позволяет однозначно реконструировать «кибербуллинговый» контекст. Примером доступности судебных документов может служить размещение судебного акта по ст. 110 УК РФ в базе Московского городского суда (по конкретному делу) [8].

Из этого вытекает отдельная статистико-аналитическая проблема: даже при наличии судебных актов их агрегирование для целей исследования кибербуллинга затруднено отсутствием тега/классификатора «цифровая травля».

С учетом изложенного ключевые проблемные зоны можно свести к следующим блокам.

1. Квалификационная неопределенность: одно и то же поведение (массовая травля в чате) может «уходить» в административную плоскость, в клевету, угрозы, вымогательство, нарушение частной жизни — в зависимости от формулировок заявления и качества фиксации контента [2].

2. Дефицит доказательств «на старте»: контент удаляется, аккаунты закрываются, родители приносят скриншоты без метаданных; при этом запоздалая реакция снижает шанс получить данные от платформ.

3. Сложность установления субъекта и роли в группе: в подростковых чатах множество участников, есть «поддерживающие» реакции (лайки/репосты), а также администрирование. Для справедливого обвинения требуется доказать индивидуальный вклад каждого, иначе растут риски необоснованного расширения соучастия.

4. Риск процессуальных дефектов при работе с несовершеннолетним: нарушение правил допроса и участия защитника/законного представителя, получение «объяснений» вместо надлежащих показаний, некорректное оформление доступа к устройствам.

5. Отсутствие отдельного статистического учета кибербуллинга в уголовной статистике: есть общий рост ИКТ-компонента преступности (40 % в 2024 г.), но нет прозрачной картины по эпизодам цифровой травли, особенно с участием несовершеннолетних [1].

6. Введение ведомственного признака (классификатора) «цифровая травля/кибербуллинг» в учетно-статистические карточки (как минимум – на уровне МВД/СК) для дел, где ключевым механизмом выступает систематическое унижение/преследование через ИКТ. Это не требует немедленного введения новой статьи УК РФ, но позволит получать валидную статистику и управлять профилактикой.

7. Стандартизация «первичного пакета фиксации» цифровых следов (памятки и чек-листы для следователей/дознавателей и для школ/родителей):

- фиксация ссылок, ID, времени, участников чата;
- оперативный осмотр устройства потерпевшего с протоколированием;
- приоритетные запросы к платформам и операторам;
- алгоритм нотариального осмотра цифровых страниц в случаях, где это критично.

8. Точечные меры пресечения/процессуальные запреты, «заточенные» под цифровую среду: запрет администрирования сообществ, контактов с потерпевшим, использования конкретных аккаунтов/никнеймов (в сочетании с контролем). Это может снижать потребность в изоляции, сохраняя соразмерность.

9. Обязательное подключение психолога/специалиста по работе с подростками в делах, где конфликт носит длительный характер и имеет признаки групповой травли, – это не только ради гуманизации, но и ради качества показаний и профилактики самооговоров.

10. Развитие восстановительных практик (медиация, примирительные процедуры там, где это допустимо законом и с учетом интересов потерпевшего), поскольку значительная часть

«кибербуллинговых» кейсов у несовершеннолетних находится на границе уголовной и воспитательной реакции.

Литература

1. МВД России. Статистическая информация о состоянии преступности в РФ за 2024 год (публикация пресс-центра МВД) [Электронный ресурс]. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-sta> (дата обращения: 05.06.2025).

2. [Электронный ресурс]. URL: <https://tisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения: 05.06.2025).

3. Борьба с кибербуллингом. Что грозит за травлю в интернете (о том, что специальной нормы УК РФ о кибербуллинге нет). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. ВЦИОМ. Аналитический обзор «Травля в цифровую эпоху» (24.03.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuju-ehpokhu/> (дата обращения: 05.06.2025).

5. РИА Новости. Сообщение о данных исследования РАО по буллингу среди подростков (26.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://sn.ria.ru/20240826/issledovanie-1968613576.html> (дата доступа: 05.06.2025).

6. СУ СК России по Архангельской области и НАО. Сообщение о приговоре несовершеннолетнему по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1931565/> (дата обращения: 05.06.2025).

7. Верховный Суд РФ. Материал о пересмотре приговора по ст. 110 УК РФ (позиция о недоказанности/прекращении при отсутствии состава) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/10276/> (дата обращения: 05.06.2025).

8. Пленум Верховного Суда РФ: разъяснения по делам несовершеннолетних (общие ориентиры) [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/7912/> (дата обращения: 05.06.2025).

9. Московский городской суд (банк судебных актов): пример размещения судебного документа по ст. 110 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/3170d15c-efc9-462f-aef8-00d586429106> (дата обращения: 05.06.2025).

10. Коммерсантъ: сведения о расследованных преступлениях, совершенных детьми (со ссылкой на ведомственные данные) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8139948> (дата обращения: 05.06.2025).

© Серебрянников С.В., 2026

УДК 343.14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Цыкора А.В.

Доцент кафедры экономической безопасности, учета и права
Донского государственного технического университета
кандидат юридических наук, доцент

Короленко И.И.

Доцент кафедры процессуального права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
кандидат юридических наук, доцент

Уголовное законодательство определяет предмет оперативно-розыскной деятельности и создает необходимые правовые рамки для ее

осуществления, обеспечивая баланс между эффективностью борьбы с преступностью и защитой прав и свобод человека и гражданина.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает важные правовые механизмы взаимодействия между оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью. В частности, наделяет оперативные подразделения двойным статусом, закрепляя за ними полномочия органов дознания (ч. 1 ст. 40 УПК РФ). При этом законодатель вводит существенное ограничение – запрещает совмещение функций дознавателя и оперативного работника по одному уголовному делу (ч. 2 ст. 41 УПК РФ), что обеспечивает объективность расследования [1].

Детально регламентирует процессуальные формы взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Особое внимание уделено: совместной работе при расследовании преступлений (ч. 4 ст. 157, ч. 2 ст. 163 УПК РФ); проведению следственных действий с участием оперативных сотрудников (ч. 7 ст. 164 УПК РФ); особенностям расследования тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 150 УПК РФ), что дублируется в положениях ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

УПК РФ также создает правовые основания использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, устанавливая: систему доказательств и правила их оценки (ст. 74–88 УПК РФ); специальное понятие результатов оперативно-розыскной деятельности (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ); процедуру их процессуального закрепления (ст. 89 УПК РФ).

Таким образом, УПК РФ выполняет важную системообразующую функцию, обеспечивая правовую интеграцию оперативно-розыскной информации в уголовное судопроизводство, создавая необходимые процессуальные гарантии законности при использовании результатов ОРД.

Результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) имеют важное для расследования дела в связи с тем, что они могут использоваться

в качестве доказательств. Однако результаты ОРД обладают значительными и существенными отличиями от уголовно-процессуального доказывания, в связи с чем использование результатов ОРД в доказывании требует соблюдения определенных условий [2].

Информация, полученная в ходе ОРД, крайне важна для расследования преступлений. При том оперативные данные сами по себе не являются доказательствами. Для того чтобы они обрели юридическую силу, их необходимо, как уже говорилось ранее, правильно оформить по УПК РФ. Поэтому оперативные мероприятия должны соответствовать нормам ст. 89 УПК РФ, а полученные сведения – быть зафиксированы и закреплены в установленном законом порядке. В контексте расследования особо тяжких преступлений сведения, полученные в ОРД, вообще играют первостепенную роль. Доказательства, добытые оперативным путем, могут быть оспорены на этапе следствия или в суде, особенно если при их получении нарушался закон «Об ОРД». Например, если мероприятия проводились без оснований, не были рассекречены или не попали в материалы дела, их доказательственная ценность становится под вопросом.

Успешное и эффективное применение оперативных данных в уголовном процессе зависит от профессионализма сотрудников и их межведомственного взаимодействия. Квалификация оперативных работников проявляется в их способности адекватно оценивать доказательственное значение добываемой информации и корректно оформлять результаты ОРМ для последующего использования в рамках уголовного процесса. Не менее важна осведомленность следователей о специфике оперативно-розыскной деятельности, позволяющая им трансформировать оперативную информацию в полноценную доказательственную базу. Успешность расследования во многом зависит от скоординированной работы следственных подразделений и оперативных служб, что требует выработки единых подходов к организации их взаимодействия.

Одной из актуальных задач является преодоление существующего процессуального разрыва между оперативно-розыскной и следственной деятельностью. Действующая нормативная база не предусматривает четких механизмов легализации результатов ОРД в уголовном процессе, что порождает правовую неопределенность. Перспективным направлением видится разработка прозрачных процедур преобразования оперативных данных в допустимые доказательства и установление четких границ допустимых методов оперативной работы.

Использование результатов ОРД в доказывании регламентируется не только федеральными законами. Существует Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», устанавливающий требования, которым должны соответствовать результаты ОРД для того, чтобы использоваться в доказывании [3]. Так, согласно п. 20 Межведомственной Инструкции «Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе» [4].

Возможность использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам закреплена в ч. 2 ст. 11 Закона «Об ОРД»: «результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по

уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств». Некоторыми учеными высказывается разделяемая авторами позиция, согласно которой оперативно-розыскные данные и доказательства в информационном плане представляют собой одно и то же. Так, М.П. Поляков говорит о том, что «все теоретические попытки развести доказательства и результаты ОРД по информационной линии вряд ли могут быть признаны состоятельными. Процессуальная процедура не придает оперативно-розыскным данным чего-либо нового в информационном плане, кроме констатации достоверности (как следствие доверия к процессуальному методу)».

Представляется интересным вопрос о формулировке вышеуказанной нормы. Так, сказано, что использоваться в доказывании результаты ОРД могут в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства [5]. К тому же они станут доказательством лишь при соответствии требованиям, предъявленным к доказательствам. Однако, странность данной формулировки можно увидеть на примере такого требования, как допустимость. Результаты ОРД должны отвечать требованиям допустимости, но эта допустимость должна определяться по-другому: надлежащее лицо – лицо, которое в соответствии с ФЗ «Об ОРД» уполномочено осуществлять ОРД. Однако по мнению авторов, данная проблема исчезает после того, как мы вспоминаем о том, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании только после их легализации [6].

Во-первых, легализацию рассматривают как процесс превращения данных, полученных оперативно-розыскным путем, в доказательства. Во-вторых, как любой процесс преобразования оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальную. В-третьих, как один из подготовительных этапов для гласного использования результатов ОРД [7].

Интересен и спорен вопрос о правомерности использования письменных оперативно-розыскных материалов в качестве иных

документов. Авторы считают, что использование подобных материалов в качестве иных документов является попросту слишком широкой трактовкой понятия «иные документы» рассматривая его не как формальный источник доказательств, а как некий «портал» для привлечения в уголовное дело различных документов. В настоящее время правильнее говорить о том, что сведения, которые содержатся в оперативно-розыскных документах, могут являться основой для формирования такого доказательства, как иной документ, но при этом сами по себе непосредственно в виде иного документа представлены быть не могут [8].

В ч. 2 статье 11 закона «Об ОРД» установлено, что сведения, полученные в ходе ОРМ, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам, при этом указанный факт возможен только при соблюдении правил, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством России, которые регулируют сбор, проверку и оценку доказательств.

Некоторые исследователи, разделяемые авторами, полагают, что оперативно-розыскные данные и доказательства по своей сути являются одним и тем же с точки зрения информации. Например, М.П. Поляков утверждает, что попытки провести четкое разграничение между доказательствами и результатами ОРД на информационном уровне не имеют под собой прочной основы. По его мнению, процессуальные действия лишь подтверждают достоверность оперативно-розыскных данных, но не добавляют им новой информации, кроме подтверждения их надежности благодаря доверию к процессуальным методам.

Особый интерес вызывает формулировка упомянутой нормы. Результаты ОРД становятся доказательствами только тогда, когда соответствуют установленным процессуальным нормам требованиям к доказательствам. При этом, если рассмотреть требование допустимости, возникает некоторая неясность, потому что результаты ОРД должны быть

допустимыми, но эта допустимость должна определяться иначе: надлежащим лицом, т. е. тем, кто уполномочен проводить ОРД согласно Федеральному закону «Об ОРД». Тем не менее авторы считают, что эта проблема решается, если учесть, что результаты ОРД могут быть использованы в доказывании только после их легализации.

Легализация в данном контексте понимается в трех аспектах:

1. Как процесс преобразования данных, полученных оперативно-розыскным путем, в полноценные доказательства.
2. Как процесс трансформации оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальную.
3. Как один из предварительных этапов для открытого использования результатов ОРД.

Также вызывает дискуссии вопрос о правомерности использования письменных оперативно-розыскных документов в качестве «иных документов» в уголовном процессе. Авторы считают, что такое применение является чрезмерно широким толкованием понятия «иные документы», превращая его из формального источника доказательств своего рода «портал» для введения в дело различных документов. В настоящее время более корректно говорить о том, что информация, содержащаяся в оперативно-розыскных документах, может служить основой для формирования доказательства в виде иного документа, но сами по себе эти документы не могут быть непосредственно представлены в таком качестве.

Для того чтобы результаты ОРД стали доказательствами в уголовном процессе, трансформировались в полноценные доказательства, требуется выполнение следующих условий: во-первых, соблюсти установленный порядок их представления и включения в материалы дела, и, во-вторых, предоставить достаточную информацию для проверки этих результатов.

Однако существует и альтернативная точка зрения, нестандартный подход к этому вопросу. Например, В.Т. Томин полагает, что оперативно-

розыскная информация является доказательством уже сама по себе, если она получена в соответствии с ФЗ «Об ОРД» и содержит факты, имеющие значение для доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания, т. е. релевантные предмету доказывания [9].

Авторы считают такую позицию ошибочной и некорректной. Они акцентируют внимание на четком разграничении ОРД и процесса доказывания. Оперативно-розыскная информация может быть использована в уголовном процессе только исключительно после ее процессуального оформления через проведение соответствующих следственных действий.

В настоящее время сформирована многоуровневая, но фрагментированная система правового регулирования, которая характеризуется высокой степенью раздробленности, что создает риски правовых коллизий и затрудняет их единообразное применение, т. к. результаты ОРД должны позволять создавать доказательства, отвечающие требованиям закона и содержать всю значимую для уголовного дела информацию с четким указанием, в ходе каких именно ОРМ они были получены и как относятся к расследуемому уголовному делу. Полученные в ходе ОРМ доказательства должны позволять в рамках уголовного судопроизводства проверить их достоверность.

Законодательно отсутствует единый кодифицированный акт, комплексно регулирующий взаимодействие в сфере интерпретации результатов ОРМ в доказательства по уголовному делу, который бы системно определял цели, принципы, механизмы, формы и процедуры ведомственного взаимодействия. Указанная несогласованность приводит к тому, что практика сотрудничества между оперативным работником и следователем выстраивается на основе совокупного и совместного толкования разрозненных норм, что не обеспечивает должной степени скоординированности, а иногда основывается на личном контакте.

Наблюдается дисбаланс между закреплением полномочий и регламентацией процедур взаимодействия. Законодательство (в частности, ФЗ «Об ОРД», ФЗ «О полиции») достаточно четко определяет компетенцию каждого субъекта ОРД. Однако процедурные механизмы их кооперации, порядок обмена оперативно-значимой информацией, создания и работы совместных следственно-оперативных групп ресурсного обеспечения прописаны преимущественно в закрытых ведомственных и межведомственных приказах и инструкциях, что ограничивает прозрачность и унификацию взаимодействия, ставя его эффективность в зависимость от знаний ведомственных инструкций, не всегда согласованных между собой.

Правовые рамки взаимодействия испытывают напряжение из-за динамичного характера преступности. Анализ показал, что существующая правовая база закладывает общие ориентиры. Скорость же адаптации подзаконных нормативных актов отстает от имеющейся динамики и создает правовые пробелы, ставя перед оперативными сотрудниками и следователями задачи, для решения которых устоявшиеся процедуры взаимодействия могут оказаться недостаточно эффективными.

Рассматриваемая проблема заключается в том, что ОРД и уголовный процесс не всегда эффективно «стыкуются». Хотя УПК РФ устанавливает правила, защищающие права граждан, например, разделение функций и порядок использования результатов ОРД, эти же правила, соответственно, создают трудности и барьеры при взаимодействии ведомств. Особенно сложно официально оформить результаты совместной ОРД, полученные от разных структур, что указывает на недостаточную интеграцию правовых систем ОРД и уголовного судопроизводства при межведомственном сотрудничестве. Поэтому для повышения безопасности общества и государства необходимо совершенствовать базу передачи результатов ОРД органу дознания, следствия или суду, налаживая более эффективное

сотрудничество между органами и подразделениями, а также внедрять новые современные технологические решения для решения ключевых задач защиты и для обеспечения общественной и государственной безопасности.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М., 2010.
3. Музеев А.И., Толстая В.Е. Из истории нормативного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20).
4. Шамардин А.А. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Оренбург, 2008. Вып. 9.
5. Фирсов О.В. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие. М., 2011.
6. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. М., 2012.
7. Шатохин И.Д. Типичные поводы жалоб в Конституционный Суд на нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Оперативник (сыщик). 2016. №2.
8. Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М., 2015.
9. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2015.

© Цыкора А.В., Короленко И.И., 2026

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ОНЛАЙН-БАНКИНГА

Щербаченко А.К.

Начальник кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России

Дистанционные хищения денежных средств с использованием цифровых каналов финансовых услуг в последние годы формируют один из наиболее массовых и социально чувствительных массивов преступности. По данным МВД России, в 2024 г. 40 % преступлений совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Число таких деяний выросло на 13,1 % по сравнению с 2023 г., в том числе тяжких и особо тяжких – на 7,8 %.

При этом динамика 2025 г. демонстрирует неоднородность: за январь–октябрь 2025 г. МВД фиксирует снижение числа преступлений, совершенных с использованием ИКТ на 9,5 %, а также уменьшение дистанционных краж и дистанционных мошенничеств. Однако снижение регистрации не тождественно снижению латентности, а также не снимает вопрос о качестве доказывания: именно доказательственная база во многих «онлайн-банкинг» сюжетах оказывается наиболее уязвимым элементом расследования.

На практике фабулы «онлайн-банкинг» хищений нередко колеблются между мошенничеством (обман/злоупотребление доверием) и иными формами хищения/посягательств на компьютерную информацию. В центре настоящей статьи – доказывание именно мошенничества, т. е. установление:

- 1) факта обмана либо злоупотребления доверием;

2) причинной связи между введением в заблуждение и отчуждением имущества;

3) умысла на хищение, сформированного до получения денежных средств;

4) размера ущерба и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Ключевая процессуальная проблема здесь состоит в том, что квалификация определяет «каркас» предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) и логический порядок собирания доказательств (ст. 74 УПК РФ) [2]. Если следствие исходит из версии социальной инженерии (когда потерпевший сам совершает перевод, введенный в заблуждение), то центральным доказательственным узлом становится подтверждение обмана и управляемости поведения потерпевшего. Если же речь идет о заражении устройства/подмене реквизитов и удаленном инициировании платежей, фокус смещается на техническую реконструкцию событий (следы на устройстве, логи, маршрутизация, доступ к учетной записи), что может вести к совокупности с составами главы 28 УК РФ и др. [1].

С 25 июля 2024 г. действует правовое уточнение понятия операции без добровольного согласия: под ней понимается перевод, совершенный клиентом вследствие обмана или злоупотребления доверием [4]. Это особенно важно именно для «социально-инженерных» фабул: перевод внешне выглядит «добровольным» (инициированным самим клиентом), но юридически может квалифицироваться как совершенный вследствие обмана.

Для уголовного процесса это означает следующее:

1. Само по себе наличие спорной транзакции (выписка, подтверждение списания) еще не раскрывает механизма: требуются доказательства воздействия на волю потерпевшего.

2. В делах о мошенничестве в онлайн-банкинге доказательства должны «сшивать» коммуникационный эпизод (звонок/мессенджер/фишинг) и платежный эпизод (вход в приложение, подтверждение, перевод).

3. Данные банковских антифрод-систем и сведения регулятора важны как ориентир, но в уголовном деле подлежат процессуальному закреплению через допустимые источники доказательств (ст. 74 УПК РФ) [2].

«Окно» для сохранения цифровых следов в мошенничествах онлайн-банкинга часто минимально: злоумышленники используют подменные номера, одноразовые учетные записи, цепочки переводов через «дропов», а коммуникации в мессенджерах могут быть удалены. При этом возбуждение дела и направление запросов банкам/операторам нередко запаздывают по объективным причинам (проверка сообщения о преступлении, территориальная подследственность, ожидание ответов) [5].

Именно поэтому Банком России подчеркивается значение ускоренного обмена сведениями между финансовыми организациями, регулятором и правоохранительными органами. Отдельно отмечается наполнение базы данных регулятора сведениями о реквизитах злоумышленников. Но для уголовного дела решающим остается не сам факт наличия базы, а процессуальный путь получения и фиксации конкретных сведений, относимых к предмету доказывания [2].

Банковские журналы операций, сведения о входах и параметрах сессий, признаки аномального поведения – это технически насыщенные данные. Однако при их процессуальном использовании часто допускаются ошибки:

- предоставление банком информации в виде справки без достаточной детализации первичных логов;
- невозможность воспроизвести методику формирования выгрузки и проверить неизменность данных;
- отсутствие надлежащего описания носителя, формата, контрольных сумм, условий хранения;
- смешение «служебной аналитики» антифрод-системы с фактическими данными, подлежащими проверке.

В научной литературе акцентируется внимание на том, что без критериев верификации (включая криптографические методы контроля целостности) повышается риск спора о достоверности электронных данных. Общий вывод исследователей: цифровые доказательства должны сопровождаться процедурой обеспечения целостности (вплоть до хеширования и протоколирования) иначе возрастает вероятность признания сведений недопустимыми либо недостаточными [6].

Наиболее сложная категория для доказывания – когда потерпевший сам совершает перевод (в т. ч. через СБП или интернет-банк), будучи введенным в заблуждение. В таких делах сторона обвинения должна доказать не только факт перевода и ущерб, но и механизм формирования ложного представления: кто, когда, каким способом сообщил сведения; какие именно утверждения были ложными; почему они были существенными и как они обусловили распоряжение денежными средствами [3].

Криминалистические работы по дистанционным хищениям и мошенничествам указывают на типичные сценарии (легенды о «службе безопасности банка», «правоохранительных органах», «безопасном счете», «компенсациях»), а также на комбинирование звонков, мессенджеров и фишинговых ссылок. В банковской статистике также прямо указывается на роль социальной инженерии как фактора заражения мобильных устройств и последующей недоступности уведомлений для владельца [7].

Следовательно, доказательственная стратегия должна строиться вокруг трех блоков:

1. Коммуникационный блок: фиксация переговоров, сообщений, поддельных документов/страниц, установление номера/аккаунта и его связей.
2. Психологико-ситуационный блок: оценка восприимчивости потерпевшего, обстоятельств, давления, срочности, угроз, мотивов.

3. Платежный блок: точная реконструкция последовательности действий в приложении способов подтверждения маршрута перевода и последующего обналичивания.

Отдельно стоит проблема последующей идентификации «выгодоприобретателя»: во многих случаях получателем является не организатор, а «дроп». Это осложняет доказывание субъективной стороны у конкретного обвиняемого и требует доказывать осведомленность и роль в группе. Практико-ориентированные исследования по преступлениям в сфере интернет-банкинга и ДБО фиксируют, что раскрытие часто упирается в установление цепочек переводов и анализ цифровых следов [8].

Поскольку значительный объем сведений в делах об онлайн-банкинге имеет техническую природу, то возрастает значение экспертиз и заключений специалистов. Вопросы, которые типично требуют специальных знаний:

- наличие/отсутствие вредоносного ПО и его функционал;
- способ получения доступа к приложению/личному кабинету;
- соответствие временных меток, IP-адресов, параметров устройства;
- восстановление удаленных сообщений/файлов;
- анализ журналов и логов банковских систем (в пределах доступного следствию).

Научные публикации подчеркивают, что без адекватного экспертного «перевода» цифровые данные остаются труднооценимыми для суда, а защита получает возможность обоснованно спорить о происхождении и достоверности сведений.

Статья 74 УПК РФ закрепляет перечень источников доказательств [2]. При этом практика сталкивается с тем, что цифровые данные «растворяются» в категории «иные документы» либо приобщаются как вещественные доказательства без унифицированных критериев целостности. Научные работы предлагают развивать доктринальную и нормативную определенность электронных доказательств, поскольку отсутствие ясности влечет разнонаправленные подходы к допустимости [6].

Представляется обоснованным:

1. Закрепить на уровне УПК РФ (в развитие ст. 74) признаки цифровых (электронных) данных как объекта доказывания и минимальные требования к их процессуальному закреплению (идентификация носителя/источника, формат, контроль целостности, условия хранения).

2. Нормативно описать допустимые способы подтверждения неизменности (в т. ч. применение контрольных сумм/хеш-значений) и обязательность их отражения в протоколах следственных действий при изъятии/копировании цифровых данных. Подходы к хешированию как к инструменту усиления доверия к электронным доказательствам анализируются в научной литературе.

Мошенничество в сфере онлайн-банкинга представляет собой массовый массив преступности, что подтверждается данными МВД России о доле ИКТ-преступлений и динамике 2024–2025 гг.

Финансовая статистика Банка России показывает рост объема операций без добровольного согласия, значительный ущерб (в т. ч. 27,5 млрд руб. похищенных у клиентов банков в 2024 г.) и одновременное усиление антифрод-контуров.

Ключевые доказательственные трудности связаны с:

- быстротой утраты цифровых следов;
- процессуальной «перепакровкой» технических данных в допустимые источники доказательств;
- доказыванием обмана при внешне «добровольных» переводах;
- сложностью идентификации реального выгодоприобретателя и роли участников [2].

Совершенствование доказывания требует: нормативной определенности статуса цифровых данных в УПК РФ; стандартизации процедуры предоставления банками логов и иных цифровых сведений; внедрения минимальных требований целостности (включая контрольные

суммы); ускорения процедур сохранения данных при сохранении гарантий прав участников процесса [2].

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (действующая редакция). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в т. ч. ст. 74). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе»: федер. закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ (официальное опубликование). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

6. Кольчурин А.Г., Садырина Л.В. Электронные доказательства в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9.

7. Мартыненко Н.Н., Овчаренко А.В. Мошенничество в сфере дистанционного банковского обслуживания и методы борьбы с ним в условиях пандемии // Инновации и инвестиции. 2020. № 12.

8. Алескеров В.И., Баранов В.В. Особенности раскрытия преступлений, связанных с хищением денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания // Академическая мысль. 2020. №1 (10).

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Якубина Ю.П.

Доцент кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент

Сидорова Н.М.

преподаватель кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

Федеральным законом от 23.03.2024 №64 была утверждена новая норма, закрепленная в четвертой главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) [5].

Норма права, содержащая в ст. 28.2 УПК РФ, предусматривает возможность прекращения уголовного преследования в отношении лиц, которые были призваны на военную службу в период мобилизации или в военное время, либо заключением в период мобилизации в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время [2].

Следует отметить, что законодательное закрепление рассматриваемой правовой нормы носит актуальный характер в связи с осложненной внешней политической обстановкой, требующей от граждан России выполнения обязанностей по защите страны от внешних угроз.

В связи с вышеуказанным «освобождение» от уголовного преследования за совершение ряда преступных деяний, а также избавление от всех правовых последствий такого преследования, в том числе уголовной ответственности в обмен на исполнение своего гражданского долга выступает в качестве достойной альтернативы.

Необходимо обратить внимание на то, что прекращение уголовного преследования не влечет за собой прекращения уголовного дела. Данные понятия не являются тождественными в науке уголовно-процессуального законодательства. Прекращение уголовного преследования носит индивидуальный характер, т. е. направлено в отношении конкретного лица. К примеру, в случае наличия соучастников, в отношении которых идет производство уголовного дела, прекращение уголовного преследования в отношении одного из них не влечет за собой прекращения производства расследования по данному уголовному делу в отношении других соучастников преступления.

Особое внимание нужно обратить на то, что прекращение уголовного преследования по основаниям, предусмотренным исследуемой нормой права, не влечет возникновения правомочий по реабилитации.

Это связано, прежде всего, с тем, что в данном случае процесс уголовного преследования производился на законных основаниях. То есть в соответствии с положениями ст. 55 Конституции Российской Федерации, предусматривающей в ч. 3 ограничение прав и законных интересов граждан федеральными законами в необходимой для обеспечения безопасности прав и свобод человека и государства мере [1].

Однако следует понимать, что правомочие, предоставляемое законодателем в исследуемой правовой норме, применимо лишь в отношении лиц, которые решением суда еще не были привлечены к уголовной ответственности. Другими словами, положения

рассматриваемой статьи могут быть применимы исключительно к подозреваемым лицам или обвиняемым в рамках уголовного процесса.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в соответствии со статьей 17 Федерального закона от 26.02.1997 №31 под лицами, которые могут быть мобилизованы, т. е. призваны к прохождению военной службы в порядке мобилизации, относятся граждане, имеющие военный билет, т. е. прошедшие военную службу в срочном порядке и состоящие в запасе [4].

Данный анализ приводит к выводу о том, что рассматриваемая правовая норма распространяется на специальных субъектов уголовно-процессуальных отношений, т. е. применима исключительно к гражданам Российской Федерации, подходящим к основаниям мобилизации либо уже проходящим военную службу.

Возвращаясь к исследованию ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса РФ, следует обратить внимание и на то, что в первой части указанной нормы закреплён конкретный порядок ее применения, включающий следующие обязательные требования:

- решение о прекращении уголовного преследования в отношении указанных групп субъектов принимает суд, следовательно при наличии соответствующего согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель при наличии согласия прокурора;

- инициировать процедуру принятия рассматриваемого решения допускается при наличии соответствующего ходатайства, подаваемого воинской частью или учреждением;

- подача указанного ранее ходатайства осуществляется исключительно в случаях, предусмотренных основаниями ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, которая закрепляет строгий перечень преступлений, за совершение которых не допускается освобождение от уголовной ответственности в порядке указанной статьи [3].

В процессе исследования вопросов по названной тематике Ермолович Я.Н. в своей научной статье указывает, что освобождению от уголовной ответственности и наказания и призыву на военную службу по мобилизации или в военное время не должны подлежать лица, совершившие преступления, которые условно можно сгруппировать в следующие категории: 1) преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних; 2) преступления, связанные с участием в организованной преступности; 3) преступления террористической направленности; 4) преступления экстремистской направленности; 5) государственная измена и связанные с ней преступления; 6) преступления диверсионной направленности; 7) преступления, посягающие на порядок оборота сведений, составляющих государственную тайну; 8) особо опасные преступления против мира и безопасности человечества [7]. Кроме того, данная норма является диспозитивной, т. к. ее применение допускается исключительно при наличии согласия лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

В данном случае перед прекращением преследования лицу, в отношении которого оно осуществляется, в обязательном порядке разъясняются не только основания для такого прекращения, но и права, возникающие у данного лица в связи с применением исследуемой нормы права, в том числе его право на возражение или отказ от прекращения преследования. Если данное лицо свое согласие на прекращение преследования не дает, в отношении него будет продолжено производство по уголовному делу.

Также необходимо отметить, что в п. 5 Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 39 установлено, что положения ст. 28.2 УПК РФ закрепляют гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования в отношении

подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований и не допускают в этих случаях составления следователем дознавателем обвинительного документа [6].

Кроме того, законодатель установил порядок взаимодействия заинтересованных государственных органов по вопросам прекращения уголовного преследования по основаниям ст. 28.2 УПК РФ, а именно закрепил, что данные процедуры будут осуществляться в соответствии с совместными решениями органов прокуратуры, следствия, суда и Министерством обороны РФ.

Так, в научной статье двенадцатого выпуска журнала «Уголовный процесс» за 2024 г. отмечено, что учреждения ФСИН России (администрации СИЗО, ИВС) должны будут формировать списки содержащихся под стражей подсудимых, подлежащих мобилизации, и передавать их в военкоматы по месту дислокации (месту нахождения учреждения ФСИН РФ). Военкоматы будут обращаться в суд для получения разрешения на проведение военной комиссии в отношении лиц, подлежащих мобилизации. Если комиссия признает лицо годным к службе (примет решение о призыве), то военный комиссар должен будет обратиться в суд с ходатайством об отмене меры пресечения и приостановлении производства по уголовному делу в отношении такого подсудимого. Такое ходатайство суд должен рассмотреть немедленно. В случае его удовлетворения решение суда направляется в следственный изолятор, в военкомат и самому «арестованному». Решение суда подлежит немедленному исполнению: призывника должны освободить из-под ареста. Если речь идет о тех подсудимых, подлежащих мобилизации, которые не находятся под стражей, они должны являться в военкомат самостоятельно по направляемой им повестке. Это относится к тем лицам, в отношении которых избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, личного поручительства или залога, а также запрета на управление автомобилем. Тех подсудимых, в отношении которых избран домашний арест

или установлены запреты, призывают по спискам, которые должны направлять в военкоматы уголовно-исполнительные инспекции. При этом все мероприятия по призыву по мобилизации тех, кто находится под домашним арестом, и запретами, установленными в п. 1–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК, проводятся с письменного разрешения судьи [8].

Изучение судебной практики по применению данной нормы показало, что за период времени с введения указанной нормы она была применена всего дважды.

В первом случае в постановлении Ленинского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) № 1-11/2024 1-54/2023 1-766/2022 от 30.06.2024 по делу № 1-11/2024 было установлено, что обвиняемый не возражает против применения данной нормы и прекращения уголовного преследования с учетом оснований, не дающих ему права не реабилитацию [9].

Во втором случае обвиняемый возражал против примененной к нему нормы и обжаловал данное решение в суде апелляционной инстанции, поскольку положения ст. 28.2 УКП РФ были применены представителями власти против воли обвиняемого лица, что противоречит требованиям законодательства о применении исследуемой нормы права [10].

Резюмируя вышеуказанное, следует прийти к выводу о том, что рассмотренная правовая норма выступает одним из ярчайших примеров гуманизации права в России, а также предоставляет возможность перевоспитания виновного лица, совершившего преступное деяние без каких-либо правовых последствий.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федер. закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному Закону «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Новое в УК и УПК – Уголовный процесс № 12, Декабрь 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://e.ugpr.ru/1114338/> (дата обращения: 27.03.2025).

9. Постановление Ленинского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) № 1-11/2024 1-54/2023 1-766/2022 от 30 июля 2024 г. по делу № 1-11/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d0EuOC86xIxx/> (дата обращения: 25.07.2026).

10. Апелляционное постановление Гавриловского районного суда (Тамбовская область) № 10-5/2024 от 10 июля 2024 г. по делу № 10-5/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/case/kKIkXADFvQmo/> (дата обращения: 25.07.2026).

© Якубина Ю.П., Сидорова Н.М., 2026

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Сборник научных трудов
Международной научно-практической конференции

(13 ноября 2025 г.)

Составитель:

Попова Анна Викторовна

Редактор *Р.Р. Мамедханов*

Корректор *Л.Н. Кожоридзе*

Технический редактор *В.В. Зверева*

Компьютерная верстка *И.К. Беницкий*

Издатель: федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Тел.: 8 (863) 224-58-15. Сайт: <https://рюи.мвд.рф>

Подписано к использованию: 05.03.2026

Тираж 10 экз., Электрон. дан. (1,26 МБ),

1 электрон. опт. диск (CD-R).

ISBN 978-5-8928-8605-5

